Стопневич
Процесс
193-х

Спб., 1906

Процессъ 193-хъ.

Составилъ А. Д. Стопневичъ.

Цѣна 15 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.
1906

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на новый двухнедѣльный

литературно и общественно-политическій журналъ

„Сѣверная Пальмира“.

Журналъ будетъ выходить книжками по 10 печатныхъ листовъ (160 страницъ) каждая.

Въ 1906 году въ журналъ будутъ помѣщены:

Кеннанъ.—Сибирь и ссылка.
„ Тюрьмы въ Россіи.
Процессъ Нечаева.
„ 50-ти.
„ 193-хъ.
„ 20-ти.
„ Лейтенанта Шмидта.
Докладъ П. С. Ванновскаго о студенческихъ безпорядкахъ 1899 года. (Доселѣ еще не напечатанный въ Россіи).

Флетчеръ.—О Государствѣ Россійскомъ.
Радищевъ. — Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву.
Біографіи дѣятелей освободительнаго движенія.
Исторія Петропавловской крѣпости.
Исторія Шлиссельбургской крѣпости.

Кромѣ того будутъ помѣщены сочиненія, до сихъ поръ еще не изданныя въ Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

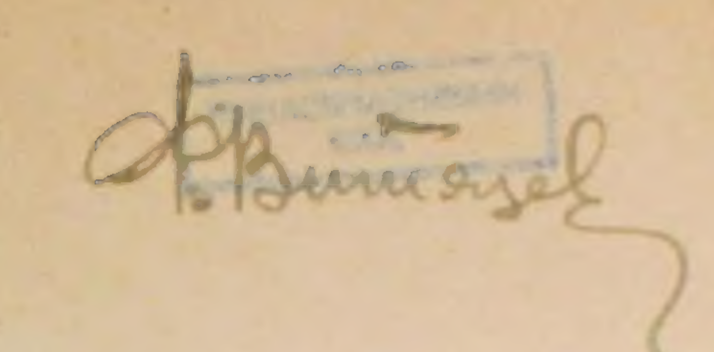
На годъ безъ доставки— **4** р., съ доставкой въ С.-Петербургѣ и пересылкой во всѣ мѣстности Россіи—**5** руб.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна книжки безъ пересылки 25 коп.; съ пересылкой—35 коп.; наложеннымъ платежомъ—45 коп.

Подписка принимается въ Конторѣ Книгоиздательства В. С. Туманина, С.-Петербургъ, Верейская, № 27.

Издатель **В. С. Туманинъ.** Редакторъ **А. Д. Стопневичъ.**

Главная контора и редакція—С.-Петербургъ, Верейская, № 27.
Редакторъ принимаетъ лицъ, имѣющихъ къ нему надобность, по субботамъ отъ 1 до 3-хъ дня.



Процессъ 193-хъ.

Составилъ А. Д. Стопневичъ.

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА
„СѢВЕРНАЯ ПАЛЬМИРА“
(В. С. Туманина).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.
1906.

Предлагаемая вниманію читателя книжка является первой изъ серіи политическихъ процессовъ, предполагаемыхъ нами къ изданію. По многимъ весьма понятнымъ причинамъ русское общество совсѣмъ почти не знакомо съ перипетіями нашего освободительнаго движенія. Матеріалы, касающіеся цѣлаго ряда крупныхъ политическихъ процессовъ изъ эпохи 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, разсѣяны по русскимъ газетамъ того времени, хотя въ сильно урѣзанномъ видѣ, и въ заграничныхъ изданіяхъ, также далеко не въ полномъ видѣ. Сказанное въ особенности относится къ, такъ называемому, «процессу 193-хъ». Объ этомъ процессѣ въ русскихъ газетахъ были опубликованы лишь сухіе чисто формальнаго характера отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ (см. «Голосъ» за октябрь 1877 г.—январь 1878 г.), да подробно былъ оглашенъ приговоръ суда (см. «Голосъ» 1878 г. № 65). Надо сказать, что подробнаго стенографическаго отчета процесса не существуетъ вовсе: несмотря на торжественныя обѣщанія правительства, не разъ повторявшіяся предсѣдателемъ Особаго Присутствія во время самого процесса,—отчетъ этотъ опубликованъ не былъ. Мало того, когда защита, получившая разрѣшеніе пригласить на свой счетъ стенографа, вздумала издать отчетъ объ этомъ процессѣ, онъ былъ по распоряженію правительства конфискованъ и сожженъ, такъ что сохранилось всего лишь нѣсколько экземпляровъ его, составляющихъ крайнюю библіографическую рѣдкость.

Опубликованныя за границей свѣдѣнія также не отличаются особымъ обиліемъ. Замѣтки о процессѣ, помѣщавшіяся въ «Общинѣ», брошюра Алисова и нѣсколько другихъ мелкихъ брошюрокъ и замѣтокъ—вотъ и все, что даютъ намъ заграничныя изданія. Значащаяся въ спискѣ запрещенныхъ въ Россіи книга Клеменса: «Обвинительный актъ по дѣлу о революціонной пропагандѣ съ предисловіемъ и примѣчаніями. 1877 г. Женева», издана въ свѣтъ не была «по независящимъ отъ издателей обстоятельствамъ» и была запрещена, такъ сказать, въ счетъ будущихъ благъ,

немедленно послѣ того, какъ объявленіе о предполагаемомъ ея выходѣ было напечатано въ «Общинѣ».

Въ прошломъ году появился въ Парижѣ 4-й номеръ Русской Исторической Библіотеки, подъ заглавіемъ: «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX столѣтіи. Составленъ подъ редакціей Б. Базилевскаго. Т. III. Paris 1905 г. Ц. 7,50 фр.». Въ этой компактно изданной объемистой книжкѣ содержатся цѣликомъ обвинительный актъ, приговоръ и знаменитая рѣчь И. Н. Мышкина, неоднократно переиздававшаяся за границей, да тѣ краткія свѣдѣнія о ходѣ процесса, которыя составителю удалось собрать въ заграничныхъ изданіяхъ.

Въ своемъ изданіи мы даемъ обвинительный актъ in extenso, потому что подлинный актъ, раздававшійся обвиняемымъ, представляетъ громадную книгу въ 302+10+29 страницъ in folio. Чтеніе его было бы крайне утомительно въ виду его однообразія и обилія мелкихъ подробностей, часто имѣвшихъ громадное значеніе для обвиняемыхъ, но не представляющихъ существеннаго интереса для читателя. Затѣмъ цѣликомъ помѣщенъ приговоръ, краткія фактическія свѣдѣнія о ходѣ процесса и рѣчь И. Н. Мышкина.

Въ маѣ 1874 г. сапожная мастерская, открытая въ Саратовѣ финляндскимъ уроженцемъ, Іоганномъ Пельконеномъ, обратила на себя вниманіе полиціи. Произведенными обысками и арестами, а также полицейскимъ дознаніемъ, полиціи удалось установить связи арестованныхъ лицъ съ разными другими лицами по всей Имперіи и констатировать существованіе «преступнаго сообщества, стремившагося къ ниспроверженію существующаго государственнаго порядка». Дальнѣйшее слѣдствіе было поручено начальнику московскаго жандармскаго управленія ген.-лейт. Слезкину. Къ началу 1875 г. всѣ «пропагандисты» были уже задержаны и томились по тюрьмамъ и въ крѣпости, но передъ судомъ предстали они только 18 октября 1877 г., т. е. послѣ трехлѣтняго содержанія въ одиночномъ заключеніи. Арестовано было и привлекалось къ слѣдствію болѣе 1000 лицъ, изъ нихъ преданы были суду 198 лицъ, а приговоръ былъ постановленъ относительно 193-хъ, такъ какъ пять человѣкъ скончались въ промежуткѣ между составленіемъ обвинительнаго акта и постановленіемъ приговора.

Всѣ подсудимые обвинялись въ образованіи кружковъ, которые обвинительный актъ тщательно старается соединить въ одно цѣлое, цѣлью которыхъ была пропаганда среди народа идей соціализма и насильственнаго переворота для улучшенія тяжелаго положенія народа, въ которое онъ былъ поставленъ со времени «освобожденія» его въ 1861 г. Великая реформа 19 февраля 1861 г., освободивъ крестьянина отъ крѣпостной зависимости, отнюдь не дала ему полной свободы и матеріальнаго благосостоянія: рабство сохранило свою силу и даже, быть можетъ, усилилось еще больше, видоизмѣнивъ только свою форму. Не помѣщикъ является теперь безконтрольнымъ хозяиномъ надъ крестьяниномъ, а администрація, не барщина теперь разоряла его, а тѣ платежи, которые были наложены на него въ разсчетѣ, что «ёнъ достанетъ», не помѣщикъ препятствовалъ теперь ему въ достиженіи образованія, а правительство, которому было выгодно держать во мракѣ невѣжества всю огромную стомилліонную массу русскаго крестьянства.

Первое время послѣ реформы въ русскомъ обществѣ царила увѣренность, раздѣлявшаяся также и великимъ изгнанникомъ Герценомъ, что правительство пойдетъ далѣе по пути преобразованій и закончитъ ихъ, наконецъ, логически необходимымъ дарованіемъ конституціи. Ближайшее же будущее показало, сколь ошибочны были маниловскія мечты нашихъ либераловъ. Дѣйствительность не замедлила разрушить всѣ ихъ иллюзіи, а тупая безпросвѣтная реакція, начавшаяся послѣ выстрѣла Каракозова, уничтожила уже всякія сомнѣнія въ этомъ отношеніи.

Между тѣмъ судьба многострадальнаго народа привлекала къ себѣ вниманіе всѣхъ чуткихъ людей того времени, въ особенности среди учащейся молодежи, всегда съ энтузіазмомъ относящейся ко всякому освободительному движенію. Стали изыскивать средства для того, чтобы помочь народу. Такое средство было найдено: необходимо, чтобы народъ самъ завоевалъ себѣ свободу, а для этого необходимо заняться просвѣщеніемъ его, какъ въ научномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, ибо невѣжественная масса не можетъ объединиться и сознать силу, которую она собою представляетъ. Знакомство съ соціалистическими ученіями Запада, съ международной ассоціаціей рабочихъ (интернаціоналомъ), а также съ теоріею Бакунина, придали этой пропагандѣ особый характерный оттѣнокъ. Масса интеллигентной молодежи, иногда очень состоятельной и происходящей изъ самыхъ аристократическихъ семействъ въ Россіи, отправилась «въ народъ», чтобы слиться съ

нимъ, его интересами и нуждами и вести постоянную пропаганду необходимости насильственнаго завоеванія «земли и воли». Молодежь поступала въ сельскіе учителя, обучалась различнымъ ремесламъ, чтобы поступить на заводы и фабрики и войти въ близкія сношенія съ рабочимъ людомъ, занимала мѣста волостныхъ писарей и вообще тѣмъ или инымъ способомъ старалась стать въ близкія отношенія къ угнетаемому безправіемъ, обремeняемому безчисленными платежами и тонущему во мракѣ невѣжества народу. Сблизившись тѣмъ или инымъ способомъ съ крестьянами и рабочими, пропагандисты старались доказывать имъ необходимость взяться самимъ за ковку собственнаго счастья, старались просвѣщать ихъ, дѣйствовали при помощи устнаго и печатнаго слова... Само собой понятно, правительство не могло относиться благосклонно къ такого рода дѣятельности и при первомъ же случаѣ постаралось разгромить все движеніе.

Процессъ 193-хъ относится къ первому періоду этого движенія, такъ сказать, мирной революціонной пропаганды, производившейся случайно, между прочимъ. Тогда казалось, что революціонное настроеніе въ народѣ такъ сильно, что достаточно бросить искру и все вспыхнетъ кругомъ, какъ громадный могучій костеръ. Ближайшее будущее показало, какъ ошибочны были подобные разсчеты; практика пропаганды выяснила, что революціи сразу ожидать нельзя, что пройдетъ еще много-много времени, пока можно будетъ ожидать мало-мальски серьезныхъ крупныхъ вспышекъ. Пропагандистамъ пришлось измѣнить тактику, пришлось обратить вниманіе на «политику», отъ которой раньше открещивался правовѣрный соціалъ-революціонеръ... Мы присутствуемъ теперь при послѣднемъ актѣ той драмы, которая началась еще въ началѣ 70-хъ годовъ и первыми актами которой явились знаменитые политическіе процессы 70-хъ и начала 80-хъ годовъ.

Процессъ 193-хъ начался 18 октября 1877 г. и закончился 24 января 1878 г. Обвиняемые были преданы суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о политическихъ преступленіяхъ. На судѣ съ полной очевидностью были вскрыты всѣ тѣ мѣры, къ которымъ прибѣгала прокуратура съ цѣлью вырвать признанія у обвиняемыхъ, обнаружились всѣ тѣ ухищренія, къ которымъ приходилось прибѣгать обвинительной власти съ цѣлью выставить обвиняемыхъ въ самомъ невыгодномъ для нихъ свѣтѣ, совершенно выяснилось стремленіе правительства замазать ротъ подсудимымъ и защитѣ... Мы не удивляемся ничуть

тому, что стенографическій отчетъ о процессѣ былъ сожженъ и что вообще всѣ свѣдѣнія объ этомъ и другихъ аналогичныхъ процессахъ такъ долго находились подъ покровомъ цензурной тайны.

Первое засѣданіе состоялось 18 октября 1877 г. По входѣ суда прис. пов. Спасовичемъ было заявлено ходатайство о возможной гласности и публичности всего процесса и о переносѣ для этой цѣли засѣданія въ другое болѣе помѣстительное собраніе. Остальные защитники присоединяются къ этому ходатайству. Прис. пов. Герардъ обращается къ суду съ просьбой о выдѣленіи дѣла его кліента Лопатина, какъ неподсуднаго Особому Присутствію.

На оба ходатайства послѣдовалъ отказъ, при чемъ первоприсутствующій заявилъ, что судомъ приглашенъ правительственный стенографъ, который почему-то не явился, и что въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» будутъ помѣщаться подробные отчеты о засѣданіяхъ.

Подсудимый Коваликъ хочетъ сдѣлать заявленіе суду, но первоприсутствующій не позволяетъ.

Начинается опросъ подсудимыхъ. Нѣкоторые изъ подсудимыхъ отказываются отвѣчать на предлагаемые вопросы.

Во время опроса, отъ разговоровъ обвиняемыхъ между собою, стоитъ шумъ въ залѣ, препятствующій слышать происходящее. На заявленіе подсудимаго Чудновскаго, что онъ не разслышалъ, явился ли такой-то свидѣтель, первоприсутствующій сваливаетъ вину въ происходящемъ шумѣ на обвиняемыхъ. Подсудимый Чернявскій возражаетъ на это, что обвиняемые не могутъ относиться къ происходящему передъ ними, какъ къ суду, въ виду того, что судъ происходитъ не публично. Первоприсутствующій прерываетъ Чернявскаго, но всѣ подсудимые единодушно кричатъ: «слушайте, когда Вамъ говорятъ». Первоприсутствующій дослушиваетъ до конца и затѣмъ отдаетъ приказаніе вывести Чернявскаго изъ залы суда. Въ отвѣтъ на это всѣ подсудимые требуютъ, чтобы ихъ также вывели, и всѣ направляются къ выходу, гдѣ ихъ останавливаютъ жандармы.

Первоприсутствующій приказываетъ очистить залу и закрываетъ засѣданіе.

19 октября засѣданія не было по болѣзни одного изъ сенаторовъ.

20 октября засѣданіе открывается рѣчью предсѣдателя слѣдующаго содержанія:

«Открывая засѣданіе, я, по уполномочію особаго присутствія,

отказывается отвѣчать, за что по распоряженію предсѣдателя ихъ удаляютъ изъ залы засѣданія.

Въ засѣданіи 26 октября подсудимый Волховской произноситъ рѣчь, сущность которой сводится къ слѣдующему. Такъ какъ нарушеніе устава судопроизводства не можетъ служить поводомъ къ кассаціи приговора, то судъ и допускаетъ такія нарушенія совершенно спокойно. Вчера Волховской просилъ удалить его изъ залы засѣданія, но просьба его исполнена не была. Сегодня онъ настойчиво проситъ объ этомъ же, такъ какъ не желаетъ быть пѣшкой, передвигаемой на шахматной доскѣ рукою, къ которой онъ чувствуетъ все, что угодно, только не уваженіе.

Предсѣдатель дѣлаетъ распоряженіе объ удаленіи Волховского и другихъ 15-ти подсудимыхъ, заявившихъ о томъ же.

27 октября Рабиновичъ, давшій на предварительномъ слѣдствіи весьма подробныя показанія, протестуетъ противъ суда, но желаетъ все-таки доказать ложность своихъ показаній.

Когда рѣчь заходитъ о кн. Крапоткинѣ, Рабиновичъ заявляетъ, что его показаніе относительно Крапоткина ложно и дано подъ давленіемъ жандармовъ. Прокуроръ указываетъ, что данныя Рабиновичемъ показанія были совершенно добровольны.

Прис. пов. Герардъ замѣчаетъ, что едва ли можно считать добровольными показанія Рабиновича, который подавалъ прокурору прошенія объ освобожденіи и предлагалъ даже свои услуги въ качествѣ шпіона.

29 октября началось судебное слѣдствіе по отношенію ко второй группѣ обвиняемыхъ, изъ которыхъ двѣнадцать были приведены силой, шесть явилось добровольно. Почти всѣ отказываются отвѣчать и просятъ объ удаленіи изъ залы, о чемъ предсѣдателемъ и дѣлается соотвѣтственное распоряженіе.

Не останавливаясь на дальнѣйшемъ ходѣ процесса, который представлялъ изъ себя мало уклоненій отъ только что описаннаго (большинство подсудимыхъ отвѣчать отказывалось, происходили постоянныя пререканія съ предсѣдателемъ, отдавались постоянныя распоряженія объ удаленіи подсудимыхъ изъ залы засѣданія и т. д.), мы остановимся лишь на центральной фигурѣ процесса, на домашнемъ учителѣ изъ солдатскихъ дѣтей Ипполитѣ Никитичѣ Мышкинѣ, являющемся вообще одной изъ звѣздъ первой величины въ русскомъ революціонномъ движеніи.

Въ засѣданіи суда 15 ноября Мышкинъ произнесъ свою знаменитую рѣчь, неоднократно перепечатывавшуюся въ заграничныхъ изданіяхъ и явившуюся прекраснымъ отвѣтомъ на обвинительный актъ. Въ этой рѣчи Мышкинымъ прекрасно охарактеризованы цѣли и сущность революціоннаго движенія 1873—1874 гг.

Въ отвѣтъ на вопросъ предсѣдателя, признаетъ ли Мышкинъ себя виновнымъ въ томъ, что принималъ участіе въ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственныхъ установленій, Мышкинъ, неоднократно прерываемый предсѣдателемъ, сказалъ слѣдующее *).

«Я признаю себя членомъ не сообщества, а соціалъ-революціонной партіи, и прошу позволенія объяснить, въ чемъ именно заключается преступленіе, которое я, по собственному моему сознанію, совершилъ противъ русскихъ государственныхъ законовъ. Я не могу признать себя членомъ тайнаго сообщества потому, что я и товарищи мои не представляемъ нѣчто обособленное цѣлое, связанное единствомъ внѣшней, общей для всѣхъ организаціи. Мы составляемъ лишь частицу многочисленной соціалъ-революціонной партіи, понимая подъ этимъ словомъ всю массу лицъ одинаковыхъ съ нами убѣжденій, — одинаковыхъ, конечно, только въ общемъ, но не въ частностяхъ, — лицъ, между которыми существуетъ хотя преимущественно только внутренняя связь, однако, достаточно реальная, обусловливаемая единствомъ цѣлей и большимъ или меньшимъ однообразіемъ средствъ практической дѣятельности. Основная задача соціалъ-революціонной партіи — установить на развалинахъ теперешняго государственно-буржуазнаго порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованіямъ народа въ томъ видѣ, какъ они выразились въ крупномъ и мелкомъ движеніи народномъ, и повсемѣстно присущи народному сознанію, —составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ справедливѣйшую форму общественной организаціи. Строй этотъ — земля, состоящая изъ союза независимыхъ производительныхъ общинъ. Осуществленъ онъ можетъ быть только посредствомъ соціальной революціи, потому что государственная власть преграждаетъ всѣ мирные пути для достиженія этой цѣли и добровольно никогда не откажется отъ насильственно присвоенныхъ ею себѣ правъ. Въ этомъ намъ ру-

*) Рѣчь Мышкина приведена съ очень незначительными сокращеніями. *А. С.*

чается весь ходъ исторіи. Возможно ли мечтать о мирномъ пути, когда власть не только не подчиняется голосу народа, но не хочетъ даже и выслушать этого голоса и за всякое стремленіе, несогласное съ видами ея, награждаетъ тюрьмой и каторгой? Возможно ли мирное разрѣшеніе соціальнаго вопроса, соотвѣтственно народнымъ потребностямъ, когда народъ, не только для осуществленія своихъ желаній, но даже и для выраженія ихъ не имѣетъ другого средства кромѣ бунта—этого единственнаго органа народной гласности? *(Предсѣдатель прерываетъ Мышкина)*. Едва ли эта мысль нуждается въ подстрочномъ примѣчаніи *(Предсѣд. прерываетъ)*. Весьма важно выяснить, почему мы смотримъ на революцію, какъ на единственно возможный исходъ изъ настоящаго положенія...

Я полагаю, что для суда весьма важно знать, какъ мы относимся къ революціи, т. е. предполагаемъ ли мы, что партія должна, во что бы то ни стало, немедленно вызвать, создать революцію, или только позаботиться объ успѣшномъ исходѣ ея; предполагается-ли немедленное осуществленіе революціи, или въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; отъ этого будетъ зависѣть опредѣленіе моей виновности съ точки зрѣнія государственныхъ законовъ. *(Предсѣд. прерываетъ)*.

Я полагаю, что ближайшая наша задача состоитъ не въ томъ, чтобы вызвать, создать революцію, а въ томъ, чтобы только гарантировать успѣшный исходъ ея, потому что не нужно быть пророкомъ, чтобы при нынѣшнемъ отчаянно бѣдственномъ положеніи народа предвидѣть, какъ неизбѣжный результатъ, всеобщее возстаніе. Въ виду его неизбѣжности надо только позаботиться, чтобы оно было наиболѣе продуктивнымъ для народа, и предостеречь отъ тѣхъ фокусовъ, которыми западно-европейская буржуазія обманула народную массу и одна извлекла выгоду изъ крови, пролившейся на баррикадахъ. Ради этой цѣли наша практическая дѣятельность должна состоять въ сплоченіи, въ объединеніи, въ сліяніи двухъ главныхъ революціонныхъ потоковъ: одного недавно возникшаго и проявившаго уже значительную силу,—въ средѣ интеллигенціи, и другого, болѣе широкаго и глубокаго, никогда не изсякавшаго потока—народно-революціоннаго. Въ этомъ объединеніи путемъ окончательнаго сформированія соціально-революціонной партіи и заключается задача движенія 1874—1875 гг. Задача эта отчасти уже выполнена, и знамя соціальной революціи водружено во всѣхъ концахъ русской земли. Прибавлю къ этому,

что въ только что сказанныхъ словахъ я указалъ лишь на центръ нашей дѣятельности и что въ массѣ участвовавшихъ въ послѣднемъ движеніи были лица, стоящія на различныхъ ступеняхъ революціоннаго развитія, начиная съ тѣхъ, кто дѣлалъ первые шаги по пути уясненія причинъ народныхъ страданій, и кончая отдѣльными личностями, дѣлавшими попытки организаціи силъ нашей партіи. При всемъ различіи во взглядахъ социалъ-революціонеры сходятся въ одномъ: революцію долженъ сдѣлать самъ народъ при полномъ сознаніи, во имя чего она совершается. Другими словами: настоящій государственный строй долженъ быть ниспровергнутъ только тогда, когда пожелаетъ этого самъ народъ. Слѣдовательно, если правительство солидарно съ народомъ, оно не можетъ считать насъ злоумышленниками. Можно ли указать, какъ на заговорщиковъ и бунтовщиковъ, на тѣхъ, кто говорить: «мы будемъ ходатайствовать передъ народомъ объ удовлетвореніи настоятельнѣйшихъ нуждъ страны, нуждъ, хорошо сознаваемыхъ самимъ народомъ; мы предлагаемъ для этого посильную помощь и--да будетъ все такъ, какъ пожелаетъ народъ». Вѣдь, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ ни тюремъ, ни военныхъ командъ, ни большихъ промышленныхъ предпріятій, закабаляющихъ рабочій людъ. Слѣдовательно, мы не имѣемъ никакихъ средствъ насиловать народную волю въ пользу излюбленныхъ нами идей. Мы можемъ дѣйствовать только убѣжденіемъ.

Всѣ средства насилія находятся въ распоряженіи и дѣйствительно практикуются нашими противниками. Если же, несмотря на крайне неблагопріятныя для насъ условія, правительство всетаки имѣетъ серьезныя основанія опасаться, что наша дѣятельность увѣнчается успѣхомъ, то, значитъ, мы не ошибаемся, разсчитывая на сочувствіе народа нашимъ идеямъ; но въ такомъ случаѣ мы не преступники, не злоумышленники, а лишь выразители потребностей, сознанныхъ народомъ. *(Предсѣдатель прерываетъ)*.

Что касается причинъ возникновенія соціально-революціонной партіи, то въ обвинительномъ актѣ все это дѣло представлено такимъ образомъ, что были де на Руси обломки прежнихъ политическихъ сообществъ, была еще русская эмиграція въ Швейцаріи, явилось еще нѣсколько энергичныхъ личностей и по слову ихъ: «Да будетъ революціонное движеніе на Руси!» — создалось таковое по всему лицу земли русской. А такъ какъ обломки преступныхъ сообществъ и эмиграція давно существовали и всегда будутъ су-

ществовать до скончанія нынѣшняго государственнаго строя, то оказывается, что движеніе, подобное нынѣшнему, было вызвано и всегда можетъ быть вызвано по произволу 3—4 лицами. Конечно, ни одинъ мыслящій человѣкъ, сколько-нибудь понимающій причины соціальныхъ явленій, не удовлетворится подобнымъ прокурорскимъ объясненіемъ. Для крупнаго соціальнаго явленія и причины должны быть крупныя. Нужно особенное недомысліе или недобросовѣстность, чтобы называть искусственно созданными революціонныя движенія въ интеллигенціи. Движенія эти не созданы искусственно. Изучая ихъ, мы замѣчаемъ, во-первыхъ, что они соотвѣтствуютъ параллельнымъ движеніямъ въ народѣ и даже являются простымъ отголоскомъ послѣднихъ. Полному слію этихъ потоковъ мѣшаетъ лишь наличность вѣковой плотины— розни между интеллигенціей и народомъ, которая сложилась вслѣдствіе вѣковой отчужденности ихъ другъ отъ друга. Первое движеніе интеллигенціи было отголоскомъ того сильнаго народнаго волненія, которое было во время крестьянской реформы вслѣдствіе того, что народъ не удовлетворялся этимъ мнимымъ своимъ освобожденіемъ. Это движеніе положило фундаментъ соціалъ-революціонной партіи. Затѣмъ къ 70-мъ годамъ въ народѣ появились слухи объ уменьшеніи и даже уничтоженіи выкупныхъ платежей. Слухи эти хотя не вызвали массы бунтовъ, какъ въ 60-хъ годахъ, но все-таки поддерживали волненіе въ народѣ, повлекшее за собой движеніе интеллигенціи, закончившееся Нечаевскимъ процессомъ. Въ наши дни обѣднѣніе народа, истощеннаго непомѣрными платежами и поборами, дошло до того, что только глухой не услышитъ громкаго ропота. Этотъ ропотъ и вызвалъ движеніе 1873—1875 г.г., которое было послѣднимъ фазисомъ соціально-революціонной дѣятельности. Это только что указанная, неотмѣнно существующая, связь между революціонными движеніями въ интеллигенціи и въ народѣ легко можетъ ускользнуть отъ вниманія общества по той простой причинѣ, что, благодаря извѣстной практикуемой въ Россіи системѣ гласности, до свѣдѣнія нашего общества доводится преимущественно только о разныхъ мелочахъ; о болѣе же крупныхъ фактахъ народной жизни систематически умалчивается или же не менѣе систематически извращается. Движенія интеллигенціи не созданы искусственно, а составляютъ только отголосокъ народныхъ волненій. Общество наше въ настоящее время знаетъ только, что былъ судъ и происходитъ судъ надъ нѣсколькими представителями революціоннаго движенія въ средѣ интеллигенціи, и ему можетъ показаться,

что это движеніе не имѣетъ подъ собой твердой почвы, не имѣетъ твердой связи съ народомъ, потому что отъ общества скрыты другія, болѣе рѣзкія проявленія революціоннаго духа въ самомъ народѣ; а между тѣмъ въ такихъ проявленіяхъ въ 1873—75 г.г. недостатка не было. Не говоря уже о волненіяхъ между уральскими казаками, о которыхъ наше общество имѣетъ очень скудныя свѣдѣнія, во многихъ другихъ мѣстахъ приходилось прибѣгать къ помощи военныхъ командъ для усмиренія народа; нѣсколько татарскихъ волостей въ Пермской губерніи, раскольники на уральскихъ заводахъ, крестьяне въ Казанской губерніи, въ Воронежской, въ Кіевской... *(Предсѣдатель прерываетъ).*

Мы видимъ теперь, что въ числѣ моихъ товарищей—дѣвушка, намѣревающаяся читать крестьянамъ лекціи по соціальнымъ вопросамъ,—юноша, давшій книгу крестьянскому мальчику, нѣсколько человѣкъ, разсуждающихъ о причинахъ народныхъ страданій и высказавшихъ такое мнѣніе, что не худо бы, пожалуй, народное возстаніе,—всѣ они привлечены къ суду, какъ тяжкіе преступники. А лица, открыто возмутившіяся противъ государственной власти и усмиренныя только при помощи штыковъ и розогъ, ссылаются административнымъ порядкомъ. Какъ будто бы у насъ говорить о бунтѣ гораздо преступнѣе, чѣмъ участвовать въ самомъ бунтѣ! Этотъ абсурдъ очень понятенъ: представители другой, болѣе страшной для правительства силы, силы народной, могли бы сказать на судѣ слово нѣсколько болѣе полновѣсное, болѣе непріятное для государственной власти и болѣе поучительное для общества, чѣмъ мы. Поэтому-то имъ и зажимаютъ ротъ и не даютъ имъ возможности сказать свое слово передъ обществомъ. Кромѣ бунтовъ, есть еще и другіе, не менѣе значительные факты, доказывающіе усиленіе въ послѣднее время революціонныхъ стремленій въ народѣ, какъ напримѣръ, распространеніе революціонныхъ сектъ, гдѣ отрицаніе государственной власти возводится въ догматъ: источникъ этой власти именуется антихристомъ, а представители этой власти—слугами антихриста; образованіе въ крестьянской средѣ обществъ съ спеціальною цѣлью уклоненія отъ платежа повинностей безъ всякой религіозной основы, исчезновеніе цѣлыхъ деревень по той же причинѣ, т. е. какъ результатъ стремленія избавиться отъ невыносимыхъ поборовъ...

Возникновеніе соціально-революціонной партіи относится къ началу 60-хъ г.г. Оно совершилось, какъ отголосокъ на народныя страданія и народныя волненія, при участіи извѣстной фрак-

ціи русской интеллигенціи, благодаря, главнымъ образомъ, двумъ причинамъ: во-первыхъ, вліянію на интеллигенцію передовой западно-европейской соціалистической мысли и крупнѣйшаго практическаго примѣненія этой мысли—образованія Международнаго Общества Рабочихъ; во-вторыхъ, благодаря уничтоженію крѣпостного права, потому что послѣ крестьянской реформы въ средѣ неподатныхъ классовъ образовалась цѣлая фракція, испытавшая на самой себѣ всю силу гнета государственнаго экономическаго строя, готовая откликнуться на зовъ народа и послужившая ядромъ соціально-революціонной партіи: фракція эта—умственный пролетаріатъ. Кромѣ того крестьянская реформа оказала еще слѣдующія три услуги соціально-революціонной партіи: во-первыхъ, съ 19 февраля 1861 г. начинаетъ развиваться капиталистическое производство съ его неизбѣжнымъ спутникомъ—борьбою между капиталомъ и трудомъ; во-вторыхъ, крестьянская реформа, въ числѣ другихъ, послужила доказательствомъ давно извѣстной истины—полной несостоятельности политическихъ реформъ въ дѣлѣ коренного улучшенія народнаго быта. Всѣ съ восторгомъ привѣтствовали эту реформу. Что же мы видимъ теперь? Народъ доведенъ до отчаянно-бѣдственнаго положенія, до небывалыхъ хроническихъ голодовокъ и не нужно особеннаго политическаго радикализма, чтобы усумниться въ благодѣтельности всѣхъ этихъ реформъ для народной массы; въ-третьихъ, крестьянство стало лицомъ къ лицу съ представителями губернской власти и увидѣло, что ему нечего надѣяться на эту власть, нечего ждать отъ нея. Прежде крестьянинъ работалъ всю жизнь на помѣщика, теперь весь трудъ его идетъ въ казну. Я хочу только сказать, что крестьянамъ не трудно было убѣдиться, что превозносимая, препрославленная крестьянская реформа сводится къ одному: къ переводу болѣе двадцати милліоновъ крестьянскаго населенія изъ разряда помѣщичьихъ холоповъ въ разрядъ государственныхъ или, вѣрнѣе сказать, чиновничьихъ рабовъ. Какъ прежде крестьянинъ работалъ всю жизнь на помѣщика, такъ теперь весь его трудъ идетъ въ казну. Какъ прежде помѣщикъ былъ полнымъ властителемъ жизни и собственности крестьянина, такъ теперь чиновникъ...

Мнѣ необходимо выяснить эту сторону вопроса въ особенности потому, что только тогда судъ пойметъ, почему я—сынъ крѣпостной крестьянки и солдата—видѣвшій собственными глазами уничтоженіе крѣпостного права,—не только не благословляю правительство, совершившее эту реформу, но стою въ рядахъ отъ-

явленныхъ враговъ его. Когда крестьяне увидали, что ихъ надѣляютъ песками да болотами, да такими клочками земли, на которыхъ немыслимо веденіе хозяйства, сколько-нибудь обезпечивающаго бытъ земледѣльца, а между тѣмъ за эти клочки наложили громаднѣйшіе платежи, превышающіе въ нѣсколько разъ доходность надѣловъ; когда крестьяне увидѣли, что это новое нарушеніе права народа на землю совершается не по произволу помѣщиковъ, а съ утвержденія верховной власти: что въ положеніи 19 февраля нѣтъ той статьи, присутствіе которой они предполагали, которая должна была охранять народные интересы и скрыта, будто бы, духовенствомъ и помѣщиками: когда они увидѣли все это, то не могли не убѣдиться,—что имъ не на кого болѣе надѣяться, какъ на свои собственныя силы. Рядомъ съ этимъ крестьяне, превратившіеся въ орудіе капиталистическаго производства, поняли всю прелесть, такъ называемаго, *свободнаго* договора, между голоднымъ труженикомъ и сытымъ капиталистомъ, поняли также, что капиталистъ угнетаетъ рабочаго не только вслѣдствіе экономической несостоятельности послѣдняго, но еще и благодаря тому, что въ спорахъ между капиталистомъ и рабочимъ правительство всегда становится на сторону перваго,—поняли это и не могли не отнестись съ еще большею ненавистью къ угнетающей ихъ государственной власти...

Мнѣ необходимо указать тѣ элементы, изъ которыхъ соціально-революціонная партія почерпаетъ свои силы. Я сейчасъ кончу это перечисленіе. Послѣ землевладѣльцевъ и фабричныхъ рабочихъ, умственный пролетаріатъ, какъ по своему экономическому положенію, такъ и по своимъ знаніямъ, извлеченнымъ изъ историческаго опыта нашего и другихъ народовъ, не могъ не стать въ ряды враговъ государственности. Наконецъ, въ эти же ряды стали изъ другихъ классовъ общества личности, которыя по самой натурѣ своей способны дѣйствовать только во имя извѣстнаго, выработаннаго ими идеала, а не для узкихъ, эгоистическихъ цѣлей. Вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ почерпала и до сихъ поръ почерпаетъ свои силы соціально-революціонная партія. Прочнымъ цементомъ, скрѣплявшимъ всѣ революціонные элементы, служитъ крайне бѣдственное положеніе народа, и совершенное безправіе россійскихъ гражданъ. Что народъ находится въ очень бѣдственномъ положеніи...

Я не могу не говорить подробно объ этомъ вопросѣ, потому что источникъ всѣхъ революціонныхъ движеній—чрезвычайныя

страданія народа и недовольство его своимъ положеніемъ. Притомъ въ обвинительномъ актѣ почти на каждой страницѣ можно найти указанія, что подсудимые напирали главнымъ образомъ на тяжесть податей, на недостатокъ земли, на общее обѣднѣніе крестьянъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что мнѣ часто приходится возвращаться къ этому предмету, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе перерывовъ, которымъ я подвергался со стороны первоприсутствующаго, я не могу излагать свои соображенія вполнѣ послѣдовательно, систематично. *(Предсѣдатель прерываетъ).*

Изъ обвинительнаго акта видно, что, по увѣренію прокурора, общество наше стремилось къ уничтоженію религіи, собственности, науки, семьи, возводило лѣность и невѣжество на степень идеала и сулило, въ видѣ ближайшаго осуществленія блага, житье на чужой счетъ. Да если бы дѣло обстояло такъ, я руками и ногами открестился бы отъ солидарности съ такимъ обществомъ, и чтобы очистить себя отъ подобныхъ обвиненій я выскажу свой вглядъ на задачу соц.-револ. партіи по отношенію къ только что перечисленнымъ мною вопросамъ. Начну съ религіи. Не могло у насъ быть стремленія къ уничтоженію ея, потому что въ проектируемомъ нами общественномъ строѣ нѣтъ мѣста насилію надъ мыслью и совѣстью: каждый можетъ вѣрить или не вѣрить во что ему угодно. Община можетъ строить церкви и держать поповъ: она самостоятельная и независимая устроительница своихъ дѣлъ. Согласно нашему идеалу, не должно быть такой власти, которая принуждена бы подъ страхомъ наказанія лгать, лицемѣрить...

По нашимъ законамъ я, подъ страхомъ уголовнаго наказанія, не могу перейти изъ православія въ другое вѣроисповѣданіе, слѣдовательно, законъ принуждаетъ меня лицемѣрить.

По отношенію къ религіи я желалъ одного— полнѣйшей вѣротерпимости, и глубоко убѣжденъ, что свобода слова въ связи съ правильнымъ воспитаніемъ и образованіемъ непремѣнно приведутъ къ торжеству истины, т. е. къ торжеству научной мысли надъ мыслью теологической, и тогда...

Перехожу къ другому обвиненію, взводимому на всѣхъ насъ прокуратурой, въ томъ, что мы возводили невѣжество на степень идеала. Это очевидная клевета, и мнѣ не стоитъ ни малѣйшаго труда опровергнуть ее. Приведу хоть одно соображеніе. Кого скорѣе можно назвать ревнителемъ невѣжества: тѣхъ ли, кто съ рискомъ для себя печатаетъ и распространяетъ хоть бы такія

книги, какъ сочиненіе Лассаля, или тѣхъ, кто преслѣдуетъ, истребляетъ подобныя книги?

Я признаю, что въ качествѣ содержателя типографіи, я считалъ своею *обязанностью*, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать печатанію книгъ, запрещенныхъ правительствомъ, и прошу позволенія теперь же объяснить причины, побудившія меня къ этому. Мысль о необходимости печатанія книгъ антиправительственнаго содержанія созрѣвала во мнѣ постепенно, и я рѣшился, наконецъ, осуществить ее только тогда, когда окончательно убѣдился, что у насъ на Руси печать находится въ безотрадно-жалкомъ положеніи, вовсе не соотвѣтствующемъ потребностямъ, какъ современнаго образованнаго общества, такъ и въ особенности потребностямъ народа; когда я убѣдился, что у насъ каждый правдивый, неподкрашенный разсказъ изъ жизни трудящагося люда, каждая честно написанная книга, объясняющая дѣйствительныя причины народныхъ страданій, каждая дѣльная статья, указывающая страшныя язвы на русскомъ государственномъ и общественномъ организмѣ,— все это безпощадно преслѣдуется, истребляется, сжигается...

Я желаю знать, подтвердило ли судебное слѣдствіе тѣ факты, на основаніи которыхъ прокуратура обвиняетъ насъ въ готовности къ совершенію разныхъ преступленій ради полученія денегъ. Подтвердило ли слѣдствіе, что Идали Польгеймъ предлагали сдѣлаться любовницей богатаго курскаго помѣщика, чтобы обобрать его? Я знаю, что судебное слѣдствіе доказало уже лживость ихъ.

Предсѣдатель. Ваше имя до сихъ поръ упомянуто не было.

Мышкинъ. Да, но я составляю часть цѣлаго, и обвиненіе, брошенное всѣмъ, касается и меня.

Въ обвинительномъ актѣ сказано: «лишеніе ближняго его собственности и уничтоженіе власти, которая этому препятствуетъ, есть формула осуществленія, если не всеобщаго, то нашего личнаго блага на землѣ». Я не знакомъ съ такимъ ученіемъ. По нашему, обезпеченіе трудящемуся человѣку права полнаго пользованія продуктомъ его труда и уничтоженіе власти, которая сему препятствуетъ, безусловно необходимы для осуществленія на землѣ блага трудящихся классовъ.

Затѣмъ я заявляю суду о незаконныхъ насильственныхъ мѣрахъ, принимавшихся противъ меня во время предварительнаго слѣдствія. За отказъ отвѣчать я былъ закованъ въ ножные кандалы, а потомъ на меня были надѣты и наручники, я былъ лишенъ права

пользоваться чаемъ и даже кипяченой водой. Я былъ лишенъ права чтенія даже Евангелія. Жандармскій офицеръ говорилъ мнѣ, что когда я дамъ отвѣты, то получу все.

Предсѣдатель указываетъ Мышкину, что его заявленія голословны. *Мышкинъ* возражаетъ, что онъ писалъ объ этомъ заявленія прокурору. *Предсѣдатель* говоритъ, что все это не касается суда.

Мнѣ остается сдѣлать одно, вѣроятно, послѣднее заявленіе. Теперь я окончательно убѣдился въ справедливости мнѣнія моихъ товарищей, заранѣе отказавшихся отъ всякихъ объясненій на судѣ, того мнѣнія, что несмотря на отсутствіе гласности, намъ не дадутъ возможности выяснить истинный характеръ дѣла. Теперь для всѣхъ очевидно, что здѣсь не можетъ раздаваться правдивая рѣчь, что здѣсь на каждомъ откровенномъ словѣ зажимаютъ ротъ подсудимому. Теперь я могу и имѣю право сказать, что это не судъ, а пустая комедія, или нѣчто худшее, болѣе отвратительное, позорное, болѣе позорное... болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости: тамъ женщина изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогого для человѣчества».

Подсудимые Рабиновичъ и Стопане пытаются зажать Мышкину ротъ, жандармы схватываютъ Мышкина и выводятъ изъ залы. Послѣ этого Стопане обращается также къ суду съ оскорбленіями послѣдняго. Стопане и Рабиновича также выводятъ.

Далѣе помѣщены нами выдержки изъ обвинительнаго акта и приговоръ [1]).

---

[1]) Когда эти строки были уже набраны, появился въ продажѣ обвинительный актъ, отпечатанный въ полномъ видѣ. См. «Процессъ 193-хъ». Съ предисловіемъ В. Каллаша. Изд. В. М. Саблина. Москва. 1906 г. Ц. 1 руб. Отъ души привѣтствуемъ это и могущія впослѣдствіи появиться подобныя же изданія.

А. С.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ имперіи.

Въ половинѣ мая 1874 г., финляндскимъ уроженцемъ Іоганомъ Пельконенъ была открыта въ г. Саратовѣ, на Царицынской улицѣ въ домѣ Превратухиной, башмачная мастерская, въ скоромъ времени обратившая на себя вниманіе полиціи страннымъ и подозрительнымъ поведеніемъ проживавшихъ въ ней лицъ, вслѣдствіе чего 31 мая въ означенной мастерской былъ сдѣланъ обыскъ. Результаты обыска, равно какъ и произведеннаго вслѣдъ засимъ дознанія, привели къ несомнѣнному убѣжденію, что мастерская Пельконенъ служила притономъ для лицъ, принадлежащихъ къ революціонному сообществу, имѣвшему развѣтвленія въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, въ виду чего было признано необходимымъ сосредоточить въ однѣхъ рукахъ повсемѣстное разслѣдованіе преступной дѣятельности обнаруженнаго сообщества, каковое разслѣдованіе по Высочайшему повелѣнію и было возложено на начальника московскаго губернскаго жандармскаго управленія генералъ-лейтенанта Слезкина. Произведенное послѣднимъ, подъ наблюденіемъ прокурора саратовской судебной палаты дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жихарева, дознаніе вполнѣ подтвердило дѣйствительное существованіе въ Россіи, въ періодъ времени 1873—1874 г. обширнаго преступнаго сообщества, стремившагося къ ниспроверженію существующаго государственнаго порядка, раскрыло дѣятельность лицъ, принадлежавшихъ къ этому сообществу, и наглядно возстановило исторію его возникновенія и дальнѣйшаго развитія.

Собранныя дознаніемъ данныя, не поколебленныя и предварительнымъ слѣдствіемъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что преступное сообщество, существованіе котораго было обнаружено въ Саратовѣ, возникло въ Петербургѣ въ 1873 г., и что оно находилось въ прямой преемственной связи съ прежними сообществами Долгушина, Натансона и др. Принадлежавшія къ этимъ сообществамъ лица, избѣжавшія преслѣдованія или наказанія и проживавшія большею частью въ Петербургѣ, продолжая въ теченіи 1872 г. свою преступную дѣятельность, старались сближаться съ рабочими, преимущественно фабричными, и, подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, возбуждали въ нихъ недовольство къ существующимъ порядкамъ и распространяли между ними революціонныя идеи, какъ путемъ устной пропаганды, такъ и

посредствомъ возмутительнаго содержанія книгъ, привозимыхъ изъ-за границы и издаваемыхъ русскими эмигрантами. До 1873 года дѣятельность пропагандистовъ имѣла характеръ индивидуальный, въ началѣ же сего года нѣкто Николай Васильевъ Чайковскій, окончившій курсъ наукъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ и принадлежавшій къ кружку Натансона, задался мыслью сплотить разрозненныя силы агитаторовъ въ одно цѣлое, къ чему и приложилъ всѣ старанія, вскорѣ затѣмъ увѣнчавшіяся нѣкоторымъ успѣхомъ. Такимъ образомъ возникъ первый революціонный кружокъ, носившій, по фамиліи своего основателя, названіе «кружка Чайковцевъ», по примѣру и подъ вліяніемъ котораго, въ теченіе того же года, образовалось нѣсколько другихъ кружковъ. Кружокъ Чайковцевъ, а также и нѣкоторые другіе поддерживали постоянную связь съ русскими эмигрантами, поселившимися преимущественно въ Цюрихѣ и другихъ городахъ Швейцаріи. Личныя сношенія членовъ кружковъ съ эмигрантами, издаваемыя послѣдними книги, въ значительномъ количествѣ ввозимыя тайными путями въ Россію, и поступленіе въ ряды пропагандистовъ возвращавшихся изъ-за границы, такъ называемыхъ «цюрихскихъ студентокъ», къ развращенію которыхъ эмигранты прилагали особенное стараніе, — все это, взятое въ совокупности, имѣло рѣшительное вліяніе на направленіе «петербургскихъ кружковъ». Означенные кружки вполнѣ прониклись ученіями эмигрантовъ, каковыя ученія и легли въ основаніе всей дальнѣйшей дѣятельности кружковъ.

Въ 1873 году, русская эмиграція, считавшая до того времени Международную Ассоціацію рабочихъ единственнымъ орудіемъ водворенія всеобщаго счастья на землѣ, стала группироваться около новой формулы обновленія человѣческаго рода, *федерализма, основаннаго на коллективизмѣ и мутуализмѣ.* Такое измѣненіе направленія русской эмиграціи явилось послѣдствіемъ пятаго конгресса Международной Ассоціаціи рабочихъ, происходившаго въ 1872 г. въ г. Гаагѣ. Исключенный постановленіемъ сего конгресса изъ числа членовъ Ассоціаціи, за образованіе въ ея средѣ тайнаго общества, эмигрантъ Бакунинъ, усердно проповѣдывавшій идею федерализма въ швейцарскихъ секціяхъ Ассоціаціи, образовалъ «Цюрихскую славянскую секцію», которая и слилась съ секціями Юрской Федераціи, не признававшими постановленій Гаагскаго Конгресса и избравшими своимъ девизомъ «федерализмъ». По формулѣ федерализма задача соціально-революціонной партіи состояла въ разрушеніи всѣхъ государствъ, уничтоженіи всякаго

государственнаго строя и буржуазной цивилизаціи и созданія новаго строя путемъ вольной федераціи снизу въ верхъ независимыхъ производительныхъ общинъ. Поставивъ своею задачею разрушеніе государства, славянская секція должна была, само собою разумѣется, вступить прежде всего въ борьбу съ тѣми высокими началами, коими обусловливается государственная жизнь народовъ, и, дѣйствительно, въ своей программѣ секція объявила, что будетъ бороться противъ религіи, собственности и семьи. Пропагандируя въ своихъ сочиненіяхъ теорію федерализма, извѣстную также подъ именемъ «анархіи», ибо основное положеніе ея заключается въ отрицаніи всякой власти, Бакунинъ вмѣстѣ съ тѣмъ проводилъ мысль о необходимости поголовнаго возстанія русскаго народа противъ Верховной Власти и доказывалъ неизбѣжность такого возстанія. Такое мнѣніе Бакунина, раздѣляемое большинствомъ эмигрантовъ, нашло себѣ поддержку и въ появившемся въ половинѣ 1873 г. журналѣ «Впередъ» Лаврова, который разошелся съ партіей Бакунина лишь по вопросу о способѣ веденія революціоннаго дѣла въ Россіи. Приверженцы Бакунина полагали, что пропагандисты должны немедленно «итти въ народъ», организовать его для революціи и внушать ему революціонныя идеи съ цѣлью вызвать возстаніе, Лавровъ же признавалъ, что навязывать народу революцію не слѣдуетъ, и что возстанію должно предшествовать сознаніе народомъ своихъ потребностей, разъясненіе которыхъ народу и составляетъ прямую задачу пропагандиста. Теорія Лаврова, требовавшая отъ агитатора извѣстной научной подготовки, крайне не понравилась русскимъ эмигрантамъ и Лавровъ остался въ меньшинствѣ, но возникшій между нимъ и его противниками споръ породилъ ученіе, весьма категорически выраженное бѣжавшимъ за границу изъ мѣста ссылки государственнымъ преступникомъ Ткачевымъ въ изданной имъ въ апрѣлѣ 1874 г. брошюрѣ подъ заглавіемъ «Задачи революціонной пропаганды въ Россіи». Въ означенной брошюрѣ, полемизируя съ Лавровымъ, Ткачевъ заявилъ, что «революціонная партія ставитъ своею главною, своею первостепенною задачею, не подготовленіе революціи вообще, а осуществленіе ея въ возможно ближайшемъ настоящемъ», что не слѣдуетъ придавать слишкомъ большого значенія вопросамъ, касающимся устройства возможно наилучшаго порядка вещей въ будущемъ, послѣ того, какъ революція совершитъ свою разрушительную миссію», и что единственная цѣль «партіи дѣйствія» должна заключаться «въ борьбѣ съ правительствомъ, борьбѣ

съ установившимся порядкомъ вещей, борьбѣ до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія». Чудовищныя ученія Бакунина и Ткачева, господствовавшія среди эмигрантовъ, нашли себѣ, какъ сказано выше, сочувственный отголосокъ въ петербургскихъ революціонныхъ кружкахъ. Теорія федерализма составила, такъ сказать, pia desideria пропагандистовъ, практическая же ихъ дѣятельность получила направленіе вполнѣ согласное съ ученіемъ Ткачева, доказательствомъ чего служитъ, между прочимъ, написанный княземъ Крапоткинымъ, однимъ изъ видныхъ дѣятелей кружка Чайковцевъ, трактатъ подъ заглавіемъ: «Должны ли мы заняться разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя?» каковой вопросъ разрѣшался кн. Крапоткинымъ въ отрицательномъ смыслѣ. Петербургскіе кружки усвоили себѣ не только догматическую часть ученій, выработанныхъ эмигрантами въ Швейцаріи, но и въ организаціи своей дѣятельности послѣдовали указаніямъ, преподаннымъ на сей предметъ Цюрихскою славянскою секціею, вслѣдствіе чего организація кружковъ выразилась въ формѣ отсутствія какой-либо іерархіи и полной свободы выбора каждымъ агитаторомъ какъ рода, такъ и способа пропаганды, при чемъ однако каждый пропагандистъ пользовался посильною помощью и содѣйствіемъ своихъ единомышленниковъ.

Такимъ образомъ изъ всего вышеизложеннаго несомнѣнно вытекаетъ, что петербургскіе революціонные кружки возникли и сложились подъ вліяніемъ двухъ факторовъ — во 1, оставшихся въ Россіи обломковъ прежнихъ преступныхъ сообществъ Долгушина, Натансона и др., къ которымъ присоединились и нѣкоторыя личности, привлекавшіяся къ дѣлу Нечаева, и во 2-хъ, русской эмиграціи, поселившейся въ Швейцаріи, чѣмъ и обусловливается связь упомянутыхъ кружковъ съ одной стороны съ предшествовавшими русскими политическими сообществами, а съ другой —съ западноевропейскою соціально-революціонною партіею, въ составъ которой вошли русскіе эмигранты.

Возникшіе въ Петербургѣ кружки, пополнявшіеся приливомъ новыхъ членовъ, преимущественно изъ числа студентовъ Технологическаго Института и Медико-Хирургической Академіи, а также слушательницъ женскихъ курсовъ при той же Академіи и акушерскихъ курсовъ, раздѣлились на двѣ категоріи, изъ коихъ первая тотчасъ же приступила къ пропагандѣ революціонныхъ идей между фабричными и заводскими рабочими, а другая занялась приготовленіемъ себя къ революціонной дѣятельности. Исходя изъ

того положенія, что узнать народъ и пользоваться его довѣріемъ можно лишь въ томъ случаѣ, когда ищущій сближенія съ народомъ будетъ жить жизнью народа, вращаясь въ его средѣ въ качествѣ простого рабочаго, многіе изъ агитаторовъ занялись изученіемъ какого-либо мастерства или ремесла, чѣмъ и объясняется открытіе агитаторами мастерскихъ, какъ-то, напр., кузнечныхъ въ Петербургѣ и Одессѣ, столярныхъ въ Москвѣ и слесарной въ Тулѣ.

Сношенія кружковъ поддерживались какъ личнымъ знакомствомъ членовъ между собою, такъ и путемъ сходокъ, собиравшихся между прочимъ въ квартирѣ студента Технолог. Инстит. Чернышева въ 12 ротѣ Измайловскаго полка, на каковыхъ сходкахъ обсуждались вопросы революціонной теоріи и практическаго примѣненія ея къ дѣлу, чѣмъ уже были заняты нѣкоторые изъ пропагандистовъ. Въ концѣ 1873 г. преступная дѣятельность нѣкоторыхъ агитаторовъ въ средѣ петербургскихъ рабочихъ сдѣлалась извѣстною правительству, вслѣдствіе чего означенныя лица, скрываясь отъ преслѣдованія, уѣхали изъ Петербурга. Въ числѣ такихъ лицъ находилось нѣсколько наиболѣе выдающихся членовъ кружка Чайковцевъ, укрывшихся въ Москвѣ, гдѣ они проживали подъ чужими именами. Подъ ихъ вліяніемъ и руководствомъ сложились московскіе революціонные кружки съ такимъ же направленіемъ, какъ и петербургскіе, имѣвшіе съ послѣдними прямую, непосредственную связь. Около того же времени лицами, близко стоявшими къ петербургскимъ агитаторамъ, былъ основанъ кіевскій кружокъ, извѣстный подъ названіемъ «кіевской коммуны», а раннею весною 1874 г. глава одного изъ петербургскихъ кружковъ дворянинъ Сергѣй Филипповъ Коваликъ организовалъ кружокъ въ г. Харьковѣ; кружки кіевскій и харьковскій вошли въ сношенія между собою, а кіевскій, личный составъ котораго къ лѣту 1874 г. увеличился поступленіемъ въ число его членовъ многихъ петербургскихъ пропагандистовъ, кромѣ того вступилъ въ весьма близкую связь съ кружкомъ одесскихъ революціонеровъ, послѣдній же, основанный группою лицъ, проживавшихъ въ Цюрихѣ и усвоившихъ себѣ революціонное направленіе у самаго его источника, естественнымъ путемъ, въ силу своего происхожденія, слился съ петербургскими дѣятелями.

Одновременно съ кружкомъ, образовавшимся въ Харьковѣ по иниціативѣ Ковалика, въ этомъ городѣ возникъ другой кружокъ, весьма незначительный, основанный пропагандисткою, прибывшею

изъ Москвы; этотъ послѣдній кружокъ, вскорѣ послѣ своего возникновенія, а именно къ лѣту 1874 года, слился съ таганрогскимъ кружкомъ, основаннымъ въ началѣ лѣта однимъ изъ петербургскихъ революціонныхъ дѣятелей.

Весною 1874 г. петербургскіе кружки обнаружили стремленіе къ болѣе тѣсному сближенію между собою, къ составленію изъ себя одного органическаго цѣлаго; для этой цѣли, избранные каждымъ кружкомъ делегаты собирались для совѣщаній, результатомъ которыхъ явилось устройство общей кассы, имѣвшей однако въ своемъ распоряженіе не болѣе 700 руб. Назначеніе кассы было оказывать вспомоществованія какъ цѣлымъ кружкамъ, такъ и отдѣльнымъ членамъ оныхъ, отправлявшимся въ народъ, при чемъ въ кассѣ могли принимать участіе и отдѣльныя не принадлежавшія къ кружкамъ лица, отъ которыхъ требовалась лишь нѣкоторая общая солидарность въ принципахъ, т. е. признаніе необходимости довести народъ до соціальной революціи.

Съ наступленіемъ лѣта, члены петербургскихъ кружковъ двинулись въ народъ на пропаганду. Въ этотъ періодъ времени, петербургскіе революціонные дѣятели совершенно слились со своими московскими единомышленниками и сообща приступили къ осуществленію своихъ преступныхъ замысловъ. Подъ вліяніемъ соединенныхъ элементовъ петербургскихъ и московскихъ пропагандистовъ возникли революціонные кружки въ Нижнемъ-Новгородѣ, Пензѣ, Самарѣ, Саратовѣ и др. мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, главныя силы революціонной партіи сосредоточились въ восточной полосѣ Россіи, въ приволжскихъ губерніяхъ, что произошло не случайно, а въ силу заранѣе обдуманнаго плана дѣйствій и выработавшагося у большинства пропагандистовъ, на основаніи примѣровъ Стеньки Разина и Пугачева, убѣжденія, что революціонныя идеи найдутъ наиболѣе благопріятную для себя почву на востокѣ, въ приволжскихъ губерніяхъ, представлявшихся для революціонеровъ страною бунтовъ и возмущеній. Въ этомъ послѣднемъ фазисѣ дѣятельности революціоннаго сообщества первенствующую роль занялъ пензенскій мѣщанинъ Порфирій Войнаральскій, незаконный сынъ дворянина Ларіонова и княгини Кугушевой. Обладая сравнительно значительными денежными средствами и большою энергіею и предпріимчивостью, Войнаральскій весьма скоро сталъ во главѣ движенія; онъ устроилъ въ Москвѣ типографію, въ которой печатались революціонныя сочиненія, разсылавшіяся затѣмъ въ разныя мѣстности (въ томъ числѣ въ Саратовъ, въ

мастерскую Пельконенъ), для брошюровки и распространенія ихъ въ народѣ, снабжалъ деньгами пропагандистовъ и самъ лично занимался организаціею кружковъ и пропагандою въ народѣ.

Такимъ образомъ революціонная пропаганда шла по двумъ главнымъ направленіямъ: юго-западному и восточному; первое направленіе выразилось въ возникновеніи кружковъ харьковскаго, кіевскаго, одесскаго и таганрогскаго съ ихъ развѣтвленіями, а второе въ кружкахъ, образовавшихся въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Пензѣ, Самарѣ, Саратовѣ и т. д. Всѣ названные кружки, хотя и раздѣлялись на двѣ нѣсколько обособленныя группы, тѣмъ не менѣе связанныя между собою единствомъ происхожденія, ученія и преслѣдуемой цѣли, а также личными сношеніями своихъ членовъ, составляли одно цѣлое, одно преступное сообщество, нагляднымъ доказательствомъ чего служитъ то обстоятельство, что обыскъ, произведенный въ мастерской Пельконена, далъ возможность раскрыть всю дѣятельность сообщества.

Внѣшніе пріемы пропаганды были одни и тѣ же во всѣхъ кружкахъ. Пропаганда подъ прикрытіемъ разныхъ профессій: доктора, фельдшера, народнаго учителя, просто рабочаго, велась или устно, или посредствомъ чтенія и раздачи революціонныхъ книгъ, содержаніе же пропаганды видоизмѣнялось, смотря по тому, съ кѣмъ пропагандисты имѣли дѣло, съ лицами ли, принадлежащими къ простому народу, или же съ лицами, принадлежащими къ «интеллигенціи», подъ каковымъ терминомъ революціонные дѣятели подразумѣвали народныхъ учителей, студентовъ, семинаристовъ и гимназистовъ. Въ первомъ случаѣ пропагандистъ обыкновенно указывалъ на недостатокъ земли у крестьянъ, на тяжесть податей и налоговъ и внушалъ мысль, что если бы всѣ крестьяне или рабочіе соединились и уничтожили правительство, истребивъ при этомъ высшія власти, то не пришлось бы платить никакихъ податей, а земли было бы у каждаго съ избыткомъ, такъ какъ она вся принадлежала бы крестьянамъ; во второмъ случаѣ пропагандистъ большею частью старался доказать, что экономическое положеніе народа отчаянное, что на обязанности всякаго порядочнаго человѣка лежитъ помочь народу выйти изъ такого положенія, что представляется возможнымъ только путемъ революціи, и что задача послѣдней должна состоять въ уничтоженіи Верховной Власти, всякаго правительства и государства, такъ какъ коренное измѣненіе къ лучшему положенію народа можетъ быть достигнуто только путемъ замѣны государства вольною федераціею производительныхъ

общинъ. Независимо отъ сего пропаганда, обращенная къ «интеллигенціи», сопровождалась обыкновенно указаніемъ на то, что наука есть не что иное, какъ средство эксплуатировать народъ и что счастіе народа можетъ быть создано и безъ науки, «интеллигентные» слушатели пропагандисты приглашались бросить ученіе и идти въ народъ, причемъ объявлялось, что сообщество располагаетъ денежными средствами, которыми и будетъ снабжать своихъ новыхъ товарищей.

Такое ученіе, основанное на теоріи Бакунина, возводящее невѣжество и лѣность на степень идеала и сулящее, въ видѣ ближайше осуществимаго блага, житье на чужой счетъ, могло, конечно, показаться заманчивымъ только для самой плохой части учащейся молодежи, и дѣйствительно, большинство завербованныхъ пропагандистами въ средѣ этой молодежи единомышленниковъ представляетъ изъ себя людей, занимавшихся чѣмъ угодно, только не науками, а потому и крайне легко относившихся къ вопросу о выходѣ изъ учебныхъ заведеній.

Денежныя средства сообщества составлялись изъ суммъ, отпускаемыхъ болѣе самостоятельными вожаками дѣла, какъ напримѣръ Войнаральскимъ, изъ взносовъ членовъ кружковъ, изъ суммъ, вырученныхъ отъ баловъ и другихъ увеселеній, устройствомъ которыхъ, подъ разными благовидными предлогами, занимались нѣкоторые петербургскіе кружки и т. п.—вообще матеріальныя средства сообщества были незначительны. Между тѣмъ безпрестанные разъѣзды пропагандистовъ, покупка революціонныхъ книгъ и всякаго рода вспомоществованія требовали большихъ расходовъ. Такимъ положеніемъ вещей достаточно объясняется причина обнаруженной многими пропагандистами готовности къ совершенію всякихъ преступленій ради пріобрѣтенія денегъ.

Главный контингентъ своихъ силъ, въ количественномъ отношеніи, сообщество черпало изъ той учащейся молодежи, о которой уже сказано выше. Преобладаніе такого элемента въ рядахъ пропагандистовъ, служа, съ одной стороны, доказательствомъ того, что какъ болѣе развитая среда, такъ и среда, лишенная образованія, но полная здраваго смысла, оставались для революціонныхъ дѣятелей одинаково недоступными, съ другой, естественнымъ образомъ, обрекало сообщество на совершенное безсиліе и ничтожество.

Осенью 1874 года большинство пропагандистовъ было задержано и открытый ими весною того же года походъ противъ государства и цивилизаціи могъ считаться оконченнымъ, а сообщество

разрушеннымъ, хотя нѣкоторые изъ его членовъ, успѣвшие скрыться отъ преслѣдованія, и продолжали свою преступную дѣятельность до конца 1874 года и начала 1875 г.

За періодъ всего своего существованія, сообщество, съ его точки зрѣнія, достигло слѣдующаго результата: совращенія на всемъ пространствѣ Россіи, на которое распространялась дѣятельность всѣхъ силъ сообщества, двухъ-трехъ десятковъ лицъ изъ простого народа, усвоившихъ себѣ суть революціоннаго ученія и пришедшихъ къ убѣжденію, что лишеніе ближняго его собственности и уничтоженіе власти, которая могла бы сему препятствовать, есть настоящая формула осуществленія если не всеобщаго, то ихъ личнаго блага на землѣ.

Таковою, въ краткомъ очеркѣ, представляется исторія возникновенія, развитія и дѣятельности преступнаго сообщества, образовавшагося въ Петербургѣ въ 1873 году и окончившаго свое существованіе въ концѣ 1874 г. Освѣщая отдѣльныя проявленія революціонной дѣятельности мѣстныхъ кружковъ, вышеизложенный очеркъ вмѣстѣ съ тѣмъ уяснитъ и значеніе нѣкоторыхъ не вполнѣ рельефно возстановленныхъ обстоятельствъ дѣла.

«Исходнымъ пунктомъ пропаганды, какъ уже сказано выше, былъ г. С.-Петербургъ, а изъ числа образовавшихся въ этомъ городѣ кружковъ, первымъ по времени возникновенія и главнымъ по вліянію, оказанному на дальнѣйшее развитіе революціоннаго дѣла, былъ *кружокъ Чайковцевъ,* образовавшійся слѣдующимъ образомъ.

Студентъ Технологическаго Института Лисовскій, посвятившій всю свою жизнь на сближеніе съ рабочими съ цѣлью распространенія между ними противоправительственныхъ идей, входилъ въ сношенія съ рабочими подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ.

Вскорѣ его примѣру послѣдовали студентъ Университета Корнѣевъ, читавшій рабочимъ лекціи по географіи, и нѣкто Доводчиковъ, читавшій лекціи по физіологіи. Лисовскій и студентъ Медико-Хирургической Академіи Сердюковъ, посѣщавшіе эти лекціи, находили безполезнымъ обученіе рабочихъ географіи и физіологіи и считали необходимымъ начать среди нихъ пропаганду революціонныхъ идей. Съ этой цѣлью была предварительно устроена для рабочихъ библіотека, а затѣмъ Сердюковъ, посѣщая лекціи Доводчикова, «доказывалъ (рабочимъ), что существующій соціально-эко-

номическій строй Россіи не совмѣстимъ съ интересами рабочихъ, что этотъ строй крайне вреденъ для русскаго народа и что поэтому необходимо во что бы то ни стало разрушить его путемъ насилія рабочихъ массъ. Указывая на необходимость разрушенія существующаго порядка, Сердюковъ вмѣстѣ съ тѣмъ объяснялъ и тотъ новый строй, который долженъ воздвигнуться на развалинахъ стараго порядка, и при этомъ говорилъ и объ общинномъ владѣніи землею и о союзѣ промышленныхъ ассоціацій и касался даже женскаго вопроса, стараясь внушить рабочимъ цѣлое революціонное міровоззрѣніе». Въ этомъ ему дѣятельно помогала Александра Ивановна Корнилова, которая вела пропаганду «въ формѣ разсказовъ о своихъ заграничныхъ путешествіяхъ», указывая рабочимъ на ихъ западно-европейскихъ товарищей. Вскорѣ квартиру студента Мед.-Хир. Акад. Низовкина, гдѣ велись указанные разговоры съ рабочими, начали посѣщать и другія лица, искавшія сближенія съ простымъ народомъ, а именно: Чайковскій, отст. артил. поручикъ Кравчинскій, отст. артил. поручикъ Д. М. Рогачевъ, студентъ Медико-Хирург. Академіи Н. Н. Гауэнштейнъ, нѣкто Шлейснеръ и другія лица. Всѣ эти лица вели пропаганду среди рабичихъ на разныхъ заводахъ въ Петербургѣ. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились еще студентъ Петерб. Университета Д. А. Клеменсъ и бывшій студентъ А. Левашевъ. Изъ этихъ-то лицъ и составилось «ядро той партіи, которая сложилась впослѣдствіи, благодаря усиліямъ Чайковскаго».

Въ началѣ 1873 г. Чайковскій сплотилъ большинство пропагандировавшихъ между рабочими лицъ въ одну партію и такимъ образомъ возникъ первый кружокъ, носившій названіе кружка Чайковцевъ. Число Чайковцевъ было весьма значительно. Кромѣ выше названныхъ лицъ, въ составъ его вошли: Левашевъ, Купріяновъ, Чарушинъ, А. Д. Кувшинская, студентъ Технолог. Института Л. В. Поповъ и С. В. Мокіевскій-Зубокъ, отст. артил. поручикъ Л. Э. Шишко, С. С. Синегубъ, С. Л. Перовская и рабочіе: Лавровъ. Обнорскій и М. А. Орловъ. Въ 1873 г. къ этому же кружку примкнули кн. П. А. Крапоткинъ, А. Я. Ободовская (Сидорацкая), Ф. В. Волховской, В. А. Стаховскій, Л. А. Тихоміровъ, Ф. М. Любавскій, А. В. Ярцевъ и Л. Д. Румянцевъ.

По словамъ Низовкина, организація кружка Чайковцевъ гласила, что между ними нѣтъ ни большихъ, ни меньшихъ, ни начальствующихъ, ни подчиненныхъ, всѣ равно значущи, всѣ дѣйствуютъ независимо другъ отъ друга, но опираясь на соединенныя

силы всѣхъ членовъ кружка и находя въ нихъ ту матеріальную поддержку, которая необходима для осуществленія задуманныхъ отдѣльными членами предпріятій. Убѣжденные въ томъ, что интеллигенція въ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ ничего серьезнаго сдѣлать не можетъ, Чайковцы задумали почерпать свои силы изъ нѣдръ самого народа, для каковой цѣли и стали дѣятельно сближаться съ рабочими или, какъ они выражались, «ходить въ народъ». Сходясь съ рабочими, они старались возбудить въ рабочихъ недовольство своимъ экономическимъ положеніемъ и развивали среди нихъ идеи о необходимости уничтоженія существующаго строя при помощи вооруженнаго возстанія, которое должно, по мнѣнію Чайковцевъ, вспыхнуть немедленно, какъ только кадры революціонеровъ будутъ достаточны для этой цѣли.

«Конечная цѣль указанныхъ стремленій и плановъ кружка Чайковцевъ состояла въ уничтоженіи государства и замѣнѣ нынѣ существующаго строя народной жизни анархіею». Ближайшею задачею своей революціонной дѣятельности Чайковцы признавали лишь уничтоженіе существующаго порядка вещей посредствомъ революціи, отодвигая на второй планъ вопросъ о формѣ новаго строя жизни, т. е. иными словами придерживались ученія Ткачева». Доказательствомъ такого направленія кружка служитъ записка кн. Крапоткина: «Должны-ли мы заняться разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя, въ который кн. Крапоткинъ какъ бы установлялъ программу дѣйствій революціонной партіи въ Россіи». Въ означенной запискѣ цѣлымъ рядомъ доводовъ и соображеній доказывается сначала непригодность всѣхъ существующихъ формъ государственной жизни, а разрѣшеніе вопроса объ идеалѣ будущаго строя общества предоставляется народу. Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какимъ образомъ народъ можетъ осуществить свой идеалъ, авторъ записки находитъ, что единственнымъ для сего путемъ представляется насильственный соціальный переворотъ, который не ограничился бы только ниспроверженіемъ государственности, но и уничтожилъ бы весь существующій соціальный и экономическій строй народной жизни; всѣ мирные пути прогресса отвергаются въ запискѣ и признаются даже вредными. Для подготовленія соціальной революціи въ Россіи необходимо, по мнѣнію автора, образовать революціонную организацію, основными положеніями которой должны служить полнѣйшее равенство всѣхъ ея членовъ, отсутствіе всякаго подчиненія всѣхъ одному или нѣсколькимъ лицамъ, отрицаніе обмана и насилія во взаимныхъ отношеніяхъ для достиженія

своихъ цѣлей и въ то же время признаніе обмана и насилія вполнѣ разумными и необходимыми средствами въ отношеніяхъ членовъ организаціи къ правительственной власти и представителямъ капитала. Подготовительная дѣятельность революціонной организаціи должна быть направлена главнымъ образомъ на увеличеніе числа ея единомышленниковъ въ средѣ крестьянства и городскихъ рабочихъ посредствомъ дѣятельной пропаганды своихъ воззрѣній и усиленія неудовольствія противъ правительства. Участіе въ революціонной организаціи учащейся молодежи отвергается запискою. Въ организацію должны быть принимаемы только тѣ представители учащейся молодежи, которые, бросивъ науку, отправятся въ народъ для пропаганды, отрѣшившись отъ всей своей предыдущей жизни не только въ принципѣ, но и во внѣшней ея формѣ, оставивъ всѣ свои привычки и поставивъ себя вполнѣ въ положеніе рабочаго. Люди изъ народа признаются авторомъ записки наиболѣе надежными и полезными революціонерами. Для подготовленія такихъ дѣятелей, агитаторы должны поселиться между крестьянами и вести осѣдлую пропаганду посредствомъ сближенія съ народомъ. Для приведенія въ извѣстность результатовъ пропаганды и выработки дальнѣйшихъ мѣръ, въ запискѣ рекомендуется устройство періодическихъ съѣздовъ агитаторовъ, а затѣмъ авторъ записки обращаетъ особенное вниманіе на подготовку революціонныхъ дѣятелей изъ городскихъ рабочихъ, которые, возвратясь на родину, могутъ распространять между крестьянами соціальныя идеи, усвоенныя отъ агитаторовъ. Кромѣ устной пропаганды, признанной наиболѣе цѣлесообразною, авторъ допускаетъ и пропаганду литературную, въ видахъ которой революціонная организація должна озаботиться изготовленіемъ и распространеніемъ въ народѣ книгъ въ родѣ разсказовъ о сильныхъ и выдающихся личностяхъ изъ народа, картинъ безвыходности современнаго соціальнаго строя и т. п. Стачки рабочихъ и устройство артелей не одобряются авторомъ, такъ какъ означенныя мѣры въ свою очередь служатъ средствомъ къ скопленію капиталовъ и въ результатѣ оказываютъ вредное вліяніе на народъ. Мѣстныя волненія между рабочими и сопротивленія властямъ признаются имѣющими для народа «воспитательное» значеніе въ смыслѣ революціонномъ, почему, не совѣтуя агитаторамъ возбуждать подобныя явленія, дабы не отвлекать ими народа отъ стремленія къ достиженію главной цѣли—всеобщаго возстанія, во имя коренного переворота, авторъ находитъ тѣмъ не менѣе полезнымъ не препятствовать ихъ развитію, если

только они вызываются естественнымъ путемъ. Въ заключеніе авторъ опредѣляетъ отношенія русской революціонной организаціи къ Международной Ассоціаціи рабочихъ и къ русскимъ эмигрантамъ, причемъ, заявляя полное сочувствіе къ дѣятельности секцій федералистовъ и преимущественно ея русскихъ представителей, вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается отъ *полной* солидарности со всѣми партіями эмигрантовъ, признавая, что русская народная революціонная партія должна самобытно развиться среди русскаго народа».

Сообразно съ этими указаніями, кружокъ Чайковцевъ занимался распространеніемъ революціонныхъ сочиненій какъ среди учащейся молодежи, такъ и среди народа. Книги эти привозились изъ-за границы отчасти самими членами кружка, отчасти черезъ посредство контрабандистовъ: частью же кружокъ занимался также и составленіемъ и изданіемъ книгъ, приспособленныхъ для цѣлей пропаганды.

Покупка и изданіе книгъ, а также другія предпріятія требовали большихъ расходовъ, вслѣдствіе чего Чайковцы и устроили кассу, которая, по показанію Низовкина, пополнялась, во 1-хъ, вкладами болѣе состоятельныхъ членовъ кружка, во 2-хъ, сборами отъ устройства всякаго рода лотерей и деньгами, добывавшимися путемъ разныхъ хитростей, которыя придумывались для обиранія довѣрчивыхъ и добрыхъ людей», и въ 3-хъ, случайными пожертвованіями и барышами отъ продажи революціонныхъ книгъ, торговля которыми велась отнюдь не въ убытокъ.

Сохраняя постоянную связь съ эмигрантами, отъ которыхъ и получались революціонныя сочиненія, кружокъ Чайковцевъ вмѣстѣ съ тѣмъ вошелъ въ близкія сношенія съ прочими петербургскими кружками, изъ коихъ нѣкоторые возникли подъ непосредственнымъ его вліяніемъ, а также и внѣ Петербурга, имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ Имперіи сношенія съ лицами, примкнувшими впослѣдствіи къ дѣлу революціонной пропаганды.

Тотчасъ послѣ своего возникновенія, кружокъ Чайковцевъ приступилъ къ осуществленію своихъ преступныхъ замысловъ и притомъ преимущественно въ Петербургѣ.

Въ началѣ 1873 г. кружокъ Чайковцевъ увеличился поступленіемъ въ число его членовъ дворянина Федора Любавскаго, причемъ обнаружились и сношенія съ Чайковцами проживавшаго въ Одессѣ Волховского. Лѣтомъ того же 1873 г. произошло и сближеніе Ярцева съ кружкомъ Чайковцевъ.

Для пропаганды своихъ воззрѣній члены кружка поступали рабочими на заводы (Рогачевъ—на Путиловскій заводъ), селились въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ могли входить въ близкія сношенія съ рабочими (Кравчинскій съ Клеменсомъ поселились около Киновеи, въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ «Клочки» въ квартирѣ рабочаго Орлова; Синегубъ, Стаховскій, Левъ Тихоміровъ, Софья Перовская и Рогачевъ—за Невской заставой, среди рабочихъ; Рогачевъ и Кравчинскій поступили пильщиками въ Тверской губ.; Чарушинъ, Анна Кувшинская, Клеменсъ, Шишко, Купріяновъ, Гауэнштейнъ. Перовская и кн. Крапоткинъ — на Выборгской сторонѣ).

Войдя въ сношенія съ рабочими, они вели пропаганду, какъ устно, такъ и путемъ раздачи соотвѣтствующихъ книгъ и брошюръ.

Такъ, напримѣръ, изъ показаній рабочихъ видно, что Стаховскій читалъ имъ «Стеньку Разина», называлъ его освободителемъ и защитникомъ крестьянъ, которые работаютъ много, а живутъ бѣдно, платя оброкъ на господъ и чиновниковъ, указывалъ на Америку, гдѣ народъ живетъ безъ Царя, говорилъ о чрезмѣрныхъ, по его мнѣнію, расходахъ на Императорскій Дворъ и на правительство, внушалъ, что всѣ должны быть равны, что добиться всеобщаго равенства одному человѣку нельзя, но что достигнуть этого можно, если соберется много людей и т. д. Синегубъ доказывалъ необходимость отнятія земли у баръ и раздѣла ея между всѣми поровну.

Усвоившій себѣ ученіе Синегуба, рабочій Зарубаевъ въ свою очередь занялся пропагандой и раздавалъ разнымъ лицамъ книжки: «Исторію одного французскаго крестьянина», «Пѣсенникъ», «Сказку о 4-хъ братьяхъ», «О мученикѣ Николаѣ» и прокламацію «Чтой-то, братцы». Другія лица также раздавали и читали разнымъ лицамъ подобныя же сочиненія.

Къ кружку Чайковцевъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ первоначально и Низовкинъ, но въ концѣ 1873 или началѣ 1874 г. между Низовкинымъ и Чайковцами произошелъ полный разрывъ, и Низовкинъ сталъ уговаривать рабочихъ не сходиться съ Чайковцами и даже обнаружилъ стремленіе создать свой собственный кружокъ.

Въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ Чайковцами находился кружокъ, основанный въ концѣ 1873 [г. народнымъ учителемъ Феофаномъ Никандровымъ Лермонтовымъ, извѣстный среди петер-

бургскихъ революціонеровъ подъ названіемъ *кружка Лермонтова.* Первоначально Лермонтовъ принадлежалъ къ кружку Чайковцевъ, но потомъ разошелся съ нимъ.

Кружокъ Лермонтова состоялъ изъ Е. К. Судзиловской, С. А. Лешернъ-фонъ Герцфельдтъ, Рабиновича и Милоглазкина, подъ руководствомъ самого Лермонтова.

Кружокъ Лермонтова придерживался теоріи Бакунина. Программа практической дѣятельности кружка вполнѣ выяснилась на сходкахъ, происходившихъ въ квартирахъ студентовъ Технологическаго Института Головина и Чернышева, гдѣ обсуждались слѣдующіе вопросы: а) какимъ образомъ довести народъ до революціи: б) въ какомъ положеніи всего удобнѣе дѣйствовать среди народа: въ положеніи рабочаго, или же въ положеніи болѣе или менѣе привилегированномъ,—въ качествѣ учителя, фельдшера, медика, земскаго дѣятеля; в) нужна-ли для народнаго дѣятеля научная подготовка; г) какимъ образомъ дѣйствовать въ народѣ: пропагандируя-ли соціально-революціонныя истины, просвѣщая, такъ сказать, теоретически рабочую массу на счетъ ея положенія и уничтоженія властей, или же, опираясь на существующее въ народѣ недовольство, прямо, безъ предварительной подготовки, возбуждать народныя страсти и д) если дѣйствовать послѣднимъ путемъ, то какимъ образомъ расположить свои дѣйствія: захватывать-ли обширныя мѣстности, стараясь связать между собою разрозненные центры недовольства, или же, ограничиваясь одною мѣстностью—селомъ, деревнею и т. д., пользоваться подходящимъ случаемъ и вызывать бунтъ, вспышку? Вопросъ же о соціальной революціи считался предрѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ. При обсужденіи выше приведенныхъ вопросовъ, кружокъ Лермонтова высказывался въ томъ смыслѣ, что пропагандировать въ народѣ слѣдуетъ въ положеніи рабочаго, возбуждая революціонныя страсти и распространяя свою дѣятельность на обширныя мѣстности, причемъ научная подготовка признавалась для пропандистовъ излишнею.

Особой кассы у кружка не было и вообще денежныя средства его были ограничены. Кружокъ Лермонтова имѣлъ сношенія со всѣми прочими петербургскими кружками (Чайковцевъ, оренбуржцевъ, самарцевъ, артиллеристовъ).

Весною 1874 г. кружокъ Лермонтова принялъ участіе въ общемъ стремленіи кружковъ къ болѣе тѣсному сближенію между собою. Кромѣ сношеній съ петербургскими кружками, кружокъ Лер-

монтова имѣлъ связи и съ революціонными дѣятелями другихъ мѣстностей (Волховской въ Одессѣ, Дебагорій-Мокріевичъ и Судзиловскій въ Кіевѣ, нижегородскій, харьковскій, кіевскій и одесскій кружки). Независимо отъ сего, Лермонтовъ поддерживалъ постоянныя сношенія съ русскими эмигрантами, преимущественно съ Сажинымъ, при содѣйствіи котораго и съ помощью Рабиновича организовалъ ввозъ въ Россію, черезъ прусскую границу, книгъ революціоннаго содержанія. Къ лѣту 1874 г. всѣ члены кружка уѣхали на пропаганду, за исключеніемъ арестованнаго Лермонтова и Ваховской: Милоглазкинъ- въ Рыбинскъ, Нижній и Сызрань: Судзиловская—въ село Степановку, Пензенской губ.; Лешернъ—въ Рыбинскъ; Рабиновичъ - въ Кіевъ, Харьковъ и Саратовъ.

Основателемъ третьяго кружка въ Петербургѣ былъ дворянинъ Сергѣй Филипповичъ Ковалыкъ *(кружокъ Ковалика)*. Кружокъ, подъ руководствомъ Ковалика, составился изъ слѣдующихъ лицъ: Иванъ и Клеопатра Блавдзевичъ, Лемени-Македонъ, Фростъ, Каблицъ, Чернышевъ и Гриценковъ. Къ нимъ впослѣдствіи примкнули студенты Н. Н. Паевскій и А. К. Артамоновъ. Кружокъ придерживался теоріи Бакунина и при осуществленіи на практикѣ своихъ преступныхъ замысловъ имѣлъ намѣреніе дѣйствовать слѣдующимъ образомъ: проникать подъ видомъ рабочихъ въ народную среду, соединять между собою отдѣльныя недовольныя личности изъ народа и, при удобномъ случаѣ, вызвать возмущеніе. Кружокъ находился въ сношеніяхъ съ петербургскими и нѣкоторыми иногородними кружками. Около Пасхи 1874 г. всѣ лица, собиравшіяся въ квартирѣ Блавдзевича и Гриценкова, порѣшивъ идти въ народъ, вышли изъ учебныхъ заведеній и отправились на пропаганду.

Каблицъ и Чернышевъ, отдѣлившись отъ кружка Ковалика, образовали новый кружокъ, въ составъ котораго вошли студентъ Технологическаго Института Н. Я. Стронскій, Вѣра Рогачева и, какъ надо полагать Фростъ. Кружокъ носилъ названіе *кружка вспышко-пускателей,* на томъ основаніи, что члены кружка, въ противность большинству пропагандистовъ, стояли за мѣстныя возстанія, вспышки.

Подъ вліяніемъ выше указанныхъ четырехъ кружковъ сложились и организовались кружки: Артиллеристовъ, Оренбуржцевъ и Самарцевъ.

Кружокъ артиллеристовъ возникъ въ 1873 г. слѣдующимъ образомъ: въ 1872 г. воспитанники Михайловскаго Артил-

лерiйскаго училища Давыдъ Антовъ, Тепловъ, Усачевъ и Нефедовъ, товарищи по классу, стали посѣщать квартиру отст. поруч. Е. Е. Емельянова, начальника снаряжательнаго отдѣла патроннаго завода, гдѣ встрѣчались съ Кравчинскимъ, Шишко и Рогачевымъ, читавшими здѣсь программы журнала «Впередъ», и «Интернацiональнаго общества», а также доказывали необходимость революцiи, какъ единственнаго средства разорвать тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ, по ихъ словамъ, находилось общество. Такого рода ученiе произвело на вышеуказанныхъ лицъ сильное впечатлѣнiе, почему они въ началѣ 1873 г. покинули Артиллерiйское училище и поселились на одной квартирѣ съ оставившимъ Артил. Училище двор. Сидорацкимъ, въ которой впослѣдствiи поселились еще двор. С. Голоушевъ, двор. Л. Л. Щиголевъ и мѣщ. Соломонъ Аронзонъ, а также оставившiй артил. училище Ф. Фоминъ. Оставаясь съ одной стороны подъ влiянiемъ Шишко, посѣщавшаго ихъ, артиллеристы съ другой стороны подпали подъ влiянiе кружка Ковалика. Влiянiе это выразилось въ явно-революцiонномъ направленiи, которое усвоилъ себѣ кружокъ, что, впрочемъ, члены кружка отрицаютъ, указывая на то, что они, убѣжденные въ бѣдственномъ положенiи народа, обсуждали лишь вопросъ: какъ помочь народу выйти изъ этого положенiя, причемъ рѣшили отправиться на «рекогносцировку», т. е. пойти въ народъ, отнюдь не съ цѣлью пропагандировать революцiю, а исключительно съ намѣренiемъ узнать настоящее положенiе народа, а также его нужды и стремленiя.

Такое объясненiе вполнѣ опровергается дѣятельностью членовъ кружка.

Усвоивъ себѣ революцiонное направленiе и посвятивъ себя агитаторской дѣятельности, кружокъ артиллеристовъ прежде чѣмъ итти въ народъ, счелъ необходимымъ, подобно большинству пропагандистовъ, изучить какое-либо ремесло. Затрудненiя, которыя встрѣчались по сему предмету, были устранены Шишко. Явившись однажды, вскорѣ послѣ ареста Сидорацкаго, на квартиру артиллеристовъ, Шишко сообщилъ Антову и Теплову, что нѣсколько студентовъ рѣшили устроить слесарную мастерскую, и предложилъ имъ принять участiе въ этомъ дѣлѣ, на что Антовъ и Тепловъ согласились, и сообщили объ этомъ Нефедову, который также охотно изъявилъ свое согласiе. На слѣдующiй день къ нимъ явился студентъ Мед.-Хир. Акад. Богомоловъ и передалъ адресъ мастерской. Работая въ мастерской, артиллеристы встрѣтились

тамъ съ А. О. Лукашевичемъ, студ. Мед.-Хир. Акад. Чернышевымъ, студ. Технол. Инст. Чернышевымъ, Блавдзевичемъ, Гриценковымъ и Чарушинымъ. Вскорѣ было рѣшено заняться изученіемъ кузнечнаго ремесла, вслѣдствіе чего Богомоловъ и Лукашевичъ отыскали кузницу на Боровой улицѣ, гдѣ, кромѣ нихъ, стали работать Аитовъ, Тепловъ, Нефедовъ, Усачевъ, Голоушевъ, Фоминъ, технологъ Чернышевъ и Чарушинъ. Въ началѣ 1874 г. артиллеристы и Лукашевичъ признали себя достаточно подготовленными и рѣшили итти въ народъ, для чего пріобрѣли крестьянское платье и запаслись видами на жительство, послѣ чего и отправились на пропаганду въ различныя мѣстности Россіи.

Голоушевъ, Щиголевъ и Аронзонъ, оставаясь въ Петербургѣ, не прервали своихъ сношеній съ артиллеристами и кромѣ того съ присоединившимися къ нимъ лицами составили особый кружокъ, носившій названіе *кружка Оренбуржцевъ и кружка Голоушева.*

Въ составъ кружка, кромѣ Голоушева, Щиголева и Аронзона, вошли: студ. Петерб. Унив. Д. Федоровичъ, студенты Мед.-Хир. Акад. Л. Траубенбергъ и П. Воскресенскій, М. Веревочкина и Клеопатра Лукашевичъ. На собраніяхъ кружка читали запрещенныя книги, разсуждали о бѣдственномъ положеніи народа и его невѣжествѣ, о стачкахъ рабочихъ и объ артеляхъ, объ интернаціоналѣ, признававшемся «силою, которой принадлежитъ будущее», и, наконецъ, рѣшили бросить ученіе и «помочь народу отъ притѣсненій, эксплуатаціи и его собственнаго невѣжества». Хотя члены кружка Оренбуржцевъ въ показаніяхъ своихъ и стараются провести мысль, что они исключительно путемъ образованія, искорененія предразсудковъ и т. п. средствами желали содѣйствовать улучшенію матеріальнаго и нравственнаго положенія народа, тѣмъ не менѣе не можетъ подлежать сомнѣнію, что и кружокъ Голоушева усвоилъ себѣ явно революціонное направленіе, доказательствомъ чего служитъ то, что члены кружка разговаривали о возможности переворота въ пользу народа путемъ прямого возстановленія послѣдняго противъ эксплуатаціи капиталистовъ и противъ власти и рѣзко отзывались о существующемъ государственномъ строѣ, для преобразованія котораго предлагались «радикальнѣйшія мѣры». Революціонное направленіе кружка обусловливалось и сношеніями его съ прочими петербургскими кружками (артиллеристовъ и Самарцевъ). Наконецъ, кружокъ Оренбуржцевъ слился съ прочими революціонными кружками.

Слившись съ прочими революціонными кружками и усвоивъ себѣ ихъ направленіе, Голоушевцы, подобно другимъ революціоннымъ дѣятелямъ, уѣхали весною 1874 г. изъ Петербурга съ цѣлью вести пропаганду въ народѣ. Голоушевъ отправился въ Оренбургъ и Пермскую губ., Веревочкина въ Уфимскую и Казанскую губерніи, Федоровичъ—въ Уфимскую губернію, Муравскій—въ Белебеевскій и Челябинскій уѣзды, Аронзонъ—въ Оренбургъ, Воскресенскій съ цѣлью изученія народа отправился на Астраханскіе рыбные промысла. Траубенбергъ остался въ Петербургѣ въ качествѣ представителя кружка, Щиголевъ имѣлъ намѣреніе отправиться въ Курскую губ. и ходить по ней подъ видомъ коробейника, но изъ-за недостатка денегъ принужденъ былъ остаться въ Петербургѣ. Клеопатра Лукашевичъ уѣхала въ Самару, гдѣ и вошла въ составъ мѣстнаго революціоннаго кружка.

Кружокъ Самарцевъ или Городецкаго былъ основанъ въ 1873 г. пріѣхавшими изъ Самарской губ. Львомъ Городецкимъ и Павломъ Чернышевымъ, принадлежавшими къ кружку самообразованія, существовавшему еще въ 1872 г,, въ средѣ воспитанниковъ Самарской гимназіи. Первоначально послѣдній кружокъ имѣлъ цѣлью пополнить пробѣлы гимназическаго образованія путемъ чтенія и разсужденія о прочитанномъ. Въ составъ этого кружка первоначально входили Городецкій, Чернышевъ, Филадельфовъ, Осташкинъ, Осиповъ, Милоголовкинъ и Никифоръ Емельяновъ. Къ веснѣ 1873 г. кружокъ началъ усвоивать себѣ противоправительственное направленіе. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Городецкій сталъ отыскивать лицъ, сочувствующихъ его взглядамъ, что ему, наконецъ, и удалось. Попавъ на сходки въ квартирѣ Головина, Городецкій подъ вліяніемъ ихъ окончательно усвоилъ себѣ революціонное направленіе и когда однажды къ нему пришли Чернышевъ и студ. Мед.-Хир. Акад. Бухъ, онъ сталъ доказывать имъ, что слѣдуетъ обратить вниманіе на бѣдствія народа и стараться заинтересовать этимъ вопросомъ возможно большее количество лицъ. Эти слова подѣйствовали на Чернышева и Буха, устроившихъ въ своей квартирѣ сходку, на которой Городецкій встрѣтился со студентами Мед.-Хир. Акад. Никитинымъ, Курдюмовымъ, Н. Поповымъ и Воронцовымъ и крест. Комовымъ. На этихъ сходкахъ обсуждались вопросы о томъ: въ чемъ заключается счастье, какимъ образомъ возможно избѣжать дуализма въ личности и т. п., затѣмъ стали разсматривать вопросы объ ассоціаціяхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, а послѣ пріобрѣтенія Городецкимъ со-

чиненій Бакунина—таковыя сдѣлались единственною темой разговоровъ на сходкахъ. Сочиненія Бакунина, по словамъ Городецкаго, произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе; подъ ихъ вліяніемъ собиравшіяся на сходкахъ лица, признали, что стремленія народа вполнѣ выяснены и пришли къ заключенію о необходимости вести въ народѣ пропаганду. Прійдя къ такому выводу, посѣтители сходокъ составили въ январѣ 1874 г. свой особый кружокъ, въ составъ котораго вошли: Городецкій, Чернышевъ, Бухъ, Никитинъ, Курдюмовъ, Поповъ, Комовъ и слуш. акуш. курсовъ М. Г. Жукова.

Кружокъ Самарцевъ находился въ сношеніяхъ съ прочими петербургскими кружками.

Весною 1874 г. самарцы двинулись въ народъ и, за исключеніемъ, Попова и Комова, уѣхали въ Самарскую губернію. Комовъ послѣ отъѣзда изъ Петербурга работалъ на фабрикѣ Морозова въ Твери, затѣмъ былъ въ Богородскѣ и работалъ въ красильномъ заведеніи Морозова въ Орѣховѣ, послѣ чего отправился на родину въ село Тейково, Владимірской губерніи, гдѣ и былъ арестованъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ кружковъ, въ Петербургѣ существовали еще слѣдующіе кружки:

Кружокъ Воронцова, студ. Мед.-Хир. Акад., имѣвшаго весьма близкія сношенія съ кружкомъ Ковалика, съ кружкомъ Городецкаго и съ другими революціонными дѣятелями. Изъ членовъ кружка подлежалъ преслѣдованію одинъ Воронцовъ, успѣвшій однако бѣжать за границу.

Кружокъ Троицкаго, студ. Петерб. Унив., державшійся нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ кружковъ. Въ маѣ 1874 г. Троицкій и Марія Эдуар. Гейшторъ отправились на пропаганду въ Рыбинскій уѣздъ.

Такимъ образомъ къ лѣту 1874 г. большинство петербургскихъ революціонныхъ дѣятелей двинулось въ народъ съ цѣлью осуществленія своихъ преступныхъ замысловъ.

Еще ранѣе, въ мартѣ или апрѣлѣ, Ковaликъ ѣздилъ въ Харьковъ, гдѣ и основалъ революціонный кружокъ, вошедшій въ близкія отношенія съ кіевскимъ кружкомъ, который въ свою очередь тѣсно связалъ свою дѣятельность съ дѣятельностью одесскаго кружка. Почти одновременно съ Ковaликомъ, въ Харьковѣ появилась пропагандистка изъ Москвы Анна Андреева, также основавшая въ Харьковѣ небольшой кружокъ, слившійся впослѣдствіи

съ таганрогскимъ. Къ кружку Андреевой принадлежали Ф. І. Юркевичъ, С. И. Корабельниковъ, Исаакъ Павловскій, Ааронъ Павловскій, Е. Ф. Іогансонъ, Зубковъ, Литошенко. Члены кружка занимались распространеніемъ книгъ революціоннаго содержанія, доставали ихъ изъ-за границы и вели устную пропаганду революціонныхъ взглядовъ, хотя болѣе или менѣе случайную.

Весною 1874 г. возникъ въ Харьковѣ и кружокъ Ковалика. образовавшійся слѣдующимъ образомъ. Въ февралѣ 1874 г. прибыли въ Харьковъ Григорій Лебедевъ и Викторъ Даниловъ и остановились у двор. Гродецкаго. Встрѣчаясь здѣсь со студентами Харьковскаго Университета Н. Крутиковымъ, Н. М. Барковымъ. женою послѣдняго Е. Д. Барковою и двор. Ю. Н. Говорухою-Отрокомъ, Лебедевъ и Даниловъ сообщили имъ, что въ Петербургѣ появился журналъ «Впередъ», причемъ Лебедевъ обѣщалъ достать его. Не дожидаясь полученія, Крутиковъ, Гродецкій и Барковъ съ женою купили сами этотъ журналъ. Черезъ нѣсколько времени въ квартиру Крутикова явился нѣкто Лукашевичъ (Коваликъ), привезшій кромѣ выписанныхъ Лебедевымъ книгъ еще и нѣкоторыя другія. Коваликъ поселился у Крутикова и цѣлый вечеръ разсказывалъ Крутикову и Говорухѣ-Отроку о петербургскихъ кружкахъ, поставившихъ своею цѣлью пропагандированіе въ народѣ идеи ниспроверженія существующаго государственнаго строя, каковые разсказы закончилъ прямымъ предложеніемъ, обращеннымъ къ Говорухѣ-Отроку и Крутикову, принять участіе въ революціонной пропагандѣ, на что оба изъявили свое согласіе. Тутъ же было рѣшено привлечь къ дѣлу еще нѣсколько лицъ и образовать революціонный кружокъ. Съ этою цѣлью Говоруха-Отрокъ въ тотъ же вечеръ снесъ одинъ экземпляръ «Государственность и Анархія» къ Баркову, а на другой день вмѣстѣ съ Крутиковымъ отправился въ семинарію и пригласилъ семинаристовъ на сходку въ квартиру Крутикова.

Съ этого времени начался цѣлый рядъ сходокъ на квартирѣ Крутикова, студента Кулашко, Баркова и студентовъ Ветеринарнаго Инст. Емельянова и Лишафаева. На этихъ сходкахъ говорилось, что въ виду бѣдственнаго положенія народа, — вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія имуществъ между гражданами и эксплоатаціи его привилегированными классами и правительствомъ, семинаристамъ, изъ которыхъ состояло большинство посѣщавшихъ сходки, слѣдуетъ оставить ученіе и итти въ народъ возбуждать его къ низверженію правительства и уничтоженію

непроизводительныхъ классовъ общества: дворянства, духовенства, купечества и вообще всѣхъ тѣхъ, кто не зарабатываетъ себѣ кусокъ хлѣба трудомъ физическимъ. Далѣе Коваликъ говорилъ, что задача каждаго идущаго въ народъ должна состоять лишь въ разрушеніи существующаго въ государствѣ порядка, такъ какъ впослѣдствіи народъ уже самъ создастъ новый порядокъ и по всей вѣроятности введетъ общинное устройство, такъ что Россія будетъ представлять изъ себя федерацію множества мелкихъ общинъ, ни отъ кого не зависящихъ и никѣмъ не управляемыхъ.

Изъ присутствовавшихъ на сходкахъ семинаристовъ одинъ Спѣсивцевъ изъявилъ полную готовность итти въ народъ и примкнуть къ кружку, членами котораго были: Говоруха-Отрокъ, Крутиковъ, Барковъ, Колюжный, Кацъ и Кулашко.

На лѣто большинство членовъ кружка уѣхали изъ Харькова: Барковъ въ Екатеринославскую губернію, гдѣ ходилъ по деревнямъ, и на Донъ къ старообрядцамъ, а затѣмъ въ Курскъ; Спѣсивцевъ—въ Пензу; Кацъ—въ Екатеринославскую губ. съ цѣлью изучить кузнечное ремесло и добыть денегъ для кружка, а Колюжный и Кулашко—въ Полтавскую губернію на хуторъ Н. Колесниковой, гдѣ проживалъ студ. Мед.-Хир. Академіи Максимовъ и куда пріѣзжали студ. Технол. Инст. Н. Стронскій и двор. Н. Чернышевъ. Во время пребыванія означенныхъ лицъ на хуторѣ Колесниковой, т. е. лѣтомъ 1874 г., между крестьянами Кобелякскаго уѣзда распространилась молва о предстоящемъ будто бы вскорѣ раздѣлѣ земли поровну между помѣщиками и крестьянами, причемъ, какъ на источникъ этого слуха, молва указывала на студентовъ, проживавшихъ на хуторѣ Колесниковой.

Харьковскій кружокъ имѣлъ, черезъ Каблица, Чернышева и Стронскаго, сношенія съ кіевскимъ революціоннымъ кружкомъ, носившимъ названіе «коммуны» и образовавшимся въ 1873 г.

Образовался этотъ кружокъ слѣдующимъ образомъ.

В. Ф. Фишеръ, не окончившій курса Кіевскаго Университета, совмѣстно съ Брешковскою, Бенецкимъ и студ. Н. Судзиловскимъ, жившіе въ одной квартирѣ, мечтали объ устройствѣ жизни такимъ образомъ, чтобы жить собственнымъ трудомъ, а Брешковская въ особенности мечтала объ устройствѣ фермы, которая могла бы служить образцомъ для другихъ и мѣстомъ, гдѣ желающіе могли бы выучиться раціональному хозяйству. Съ этой цѣлью было рѣшено воспользоваться предложеніемъ двоюродной сестры Брешковской, А. Н. Филиппъ, привести въ порядокъ имѣніе

ея Горяны въ Полоцкомъ у. Витебской губ. Брешковская и Фишеръ поѣхали въ Горяны, но изъ предположеній ихъ ничего не вышло, почему Фишеръ вскорѣ уѣхалъ въ Кіевъ, а Брешковская въ Петербургъ. Здѣсь Брешковская вошла въ сношеніе съ мѣстными агитаторами, изъ числа которыхъ Коваликъ поспѣшилъ отправиться въ Кіевъ, гдѣ и прожилъ нѣсколько дней въ коммунѣ, переселившейся въ то время въ домъ Леминскаго. Въ Петербургѣ Брешковская познакомилась съ В. П. Рогачевою, а послѣдняя въ свою очередь познакомилась у Брешковской со студ. Мед.-Хир. Акад. Л. А. Тетельманомъ. Въ мартѣ 1874 г. Брешковская возвратилась въ Горяны, куда вмѣстѣ съ нею пріѣхали Каблицъ, Рогачева и окончившая курсъ Псковской жен. гимн. Цвинева. Вскорѣ всѣ эти лица вернулись въ Кіевъ.

Въ это время, т. е. весною 1874 г., коммуна окончательно получила характеръ революціоннаго кружка, число членовъ котораго увеличилось поступленіемъ въ него многихъ мѣстныхъ жителей, а также пріѣхавшихъ изъ Петербурга агитаторовъ. Въ числѣ послѣднихъ были: Рогачева, Каблицъ, Тетельманъ, Чернышевъ, Стронскій съ женою Татьяною, Дробышъ-Дробышевскій, К. Фростъ; изъ мѣстныхъ жителей членами коммуны были студенты кіевскаго университета: Дебагорій-Мокріевичъ, Левенталь, Аксельроде, Лурье, дочери врача Каминеръ, М. Колѣнкина, Вас. Ильясевичъ, Александръ Волькенштейнъ, Я. Стефановичъ, П. Ф. Ларіоновъ, Н. Е. Гориновичъ, И. О. Польгеймъ и И. Д. Трезвинскій. Кромѣ того Фишеръ, Брешковская, Бенецкій и Судзиловскій принадлежали къ «коммунѣ» съ самаго основанія. Коваликъ и Рабиновичъ, если не состояли членами кружка, то во всякомъ случаѣ принимали въ его дѣлахъ близкое участіе, а студ. Кіев. Унив. Божко-Божинскій имѣлъ сношенія съ кружкомъ. Коммуна, помѣщавшаяся сперва въ одномъ домѣ, впослѣдствіи переходила въ другіе и играла роль штабъ-квартиры кружка. Нѣкоторые изъ членовъ послѣдняго имѣли постоянное мѣстожительство въ коммунѣ, прочіе же приходили въ нее, какъ въ сборный пунктъ, въ которомъ кромѣ того всегда могли найти пристанище.

По показанію Ларіонова кіевскій кружокъ держался идей Бакунина, изложенныхъ въ книгѣ «Государственность и Анархія», т. е. отрицанія *всякой* формы государственнаго управленія, всякаго авторитета, собственности и семейнаго союза, по словамъ же Гориновича кружокъ имѣлъ цѣлью посредствомъ соціально-революціонной пропаганды въ народѣ возбудить таковой къ возстанію,

ниспровергнуть путемъ революціи Верховную власть и водворить анархію.

Средствомъ для осуществленія своего идеала-анархіи, кружокъ признавалъ пропаганду въ народѣ революціонныхъ идей. Для успѣшнаго веденія пропаганды кружкомъ были пріобрѣтены: крестьянскіе костюмы, географическія карты юго-западныхъ губерній и книги революціоннаго содержанія, доставлявшіяся изъ-за границы. Фальшивые паспорта для хожденія въ народѣ дѣлались самими членами коммуны. Денежныя средства коммуны были ограничены. На удовлетвореніе потребностей ежедневной жизни обитателей коммуны деньги собирались съ лицъ, жившихъ въ коммунѣ, причемъ каждый вносилъ, сколько могъ; отправлявшихся въ народъ снабжали деньгами въ небольшомъ количествѣ Дебагорій-Мокріевичъ и Стронскій. Кромѣ того, небольшія суммы члены кружка получали и изъ разныхъ другихъ мѣстъ, но, несмотря на это, постоянно нуждались и были заняты изысканіемъ способовъ добывать средства.

Къ осени 1874 г., когда началось преслѣдованіе членовъ кружка и нѣкоторые изъ нихъ были арестованы, въ коммунѣ проявилось весьма сильное возбужденіе и, какъ видно изъ показаній Ларіонова, Гориновича и Идаліи Польгеймъ, было рѣшено противопоставить мѣрамъ правительства собственныя мѣры устрашенія, терроризировать, такъ сказать, правительство, пустивъ въ ходъ пожары, синильную кислоту, нитроглицеринъ и револьверы.

Выше описанные преступные замыслы не были однако приведены въ исполненіе, но дальнѣйшій образъ дѣйствій успѣвшихъ скрыться отъ преслѣдованія агитаторовъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что не раскаяніе остановило членовъ коммуны. 11 іюня 1876 г. коммунистами было совершено преступленіе, доказавшее на какія страшныя злодѣянія они способны. Означеннаго числа въ г. Одессѣ, на Конной площади, вблизи вокзала желѣзной дороги, былъ найденъ лежащимъ съ пробитою головой Николай Елисѣевъ Гориновичъ, облитый сверхъ того сѣрной кислотой, а около него оказалась записка со слѣдующими словами: «такова участь шпіоновъ». По приведеніи въ сознаніе Гориновичъ показалъ, что покушеніе на него произведено агитаторами, въ числѣ которыхъ былъ Яковъ Стефановичъ. Гориновичъ остался живъ, вопреки всякимъ ожиданіямъ.

Божко-Божинскому, поддержанному Аксельроде и Каминеръ, удалось основать революціонный кружокъ въ Черниговѣ, состоя-

вшій изъ Егора и Григорія Ищенецкихъ и Тищенко, къ которымъ примкнули: семинаристъ Андрей Карповичъ, Елена Харченко, Марфа Соколовская и сынъ священника А. П. Ласкаронскій, но существованіе кружка было не продолжительное; оно прекратилось въ томъ же году лѣтомъ, когда члены кружка разъѣхались на каникулы. Во время своего кратковременнаго существованія, кружокъ, какъ видно изъ показаній членовъ его, занимался чтеніемъ революціонныхъ книгъ, бесѣдами по поводу прочитаннаго, разсужденіями о пропагандѣ и о томъ, какъ итти въ народъ, причемъ дѣлались предположенія объ устройствѣ кассы и т. д. Передъ каникулами каждый изъ посѣщавшихъ кружокъ изложилъ, что онъ намѣренъ дѣлать лѣтомъ, причемъ оказалось, что нѣкоторые хотѣли заниматься простыми работами, а другіе думали поступить въ народные или сельскіе учителя и учительницы.

Кіевскій кружокъ черезъ Трезвинскаго имѣлъ сношенія съ одесскими агитаторами, при разсмотрѣніи же дѣятельности сихъ послѣднихъ было обнаружено, что и другіе члены коммуны, а именно Стефановичъ и Семенъ Лурье принимали самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ одесскаго революціоннаго кружка, возникновеніе котораго весьма подробно объяснено дворяниномъ Георгіемъ Трудницкимъ. По показаніямъ послѣдняго, онъ, желая поближе ознакомиться съ организаціею и дѣятельностью интернаціональнаго общества рабочихъ, осенью 1872 г. отправился въ Цюрихъ, гдѣ вскорѣ сошелся съ пріѣхавшими изъ Россіи дворянами Николаемъ, Владиміромъ и Сергѣемъ Жебуневыми, женою Николая—Зинаидою Ивановою, Маріею Блиновой, вышедшею впослѣдствіи замужъ за Владиміра Жебунева, дворяниномъ Петромъ Макаревичемъ, Анною Розенштейнъ, вышедшею впослѣдствіи замужъ за Макаревича, дворяниномъ Георгіемъ Кобіевымъ, двор. Тимофеемъ Квятковскимъ и др. Всѣ эти лица составили кружокъ, желавшій путемъ науки дойти до познанія народнаго блага и такимъ образомъ рѣзко отличались отъ русскихъ эмигрантовъ - революціонеровъ, которые въ насмѣшку называли этотъ кружокъ «сумашедшимъ орденомъ сенъ-жебунистовъ». Сенъ-жебунисты находили, что въ Россіи, странѣ земледѣльческой, народное благо осуществимо единственно путемъ развитія сельскихъ общинъ, почему и признавали своею задачею содѣйствовать съ одной стороны улучшенію сельскаго хозяйства, а съ другой, внося въ народъ соціальныя идеи и поднимая умственный его уровень, приготовлять народъ къ борьбѣ съ

буржуазіей. Желая подготовить себя къ выполненію такой задачи, члены кружка Жебуневыхъ, въ февралѣ 1873 г., разъѣхались изъ Цюриха съ цѣлью изученія раціональнаго сельскаго хозяйства,—а именно: Макаревичъ и Анна Розенштейнъ отправились въ Россію, а остальные переселились во Францію, и всѣ занялись практическимъ изученіемъ сельскаго хозяйства. Въ іюнѣ 1873 г. Трудницкій вернулся въ Россію и поселился въ своемъ имѣніи, куда въ сентябрѣ пріѣхалъ къ нему Николай Жебуневъ и настоялъ на продажѣ имѣнія съ тѣмъ, чтобы купить отдѣльные, небольшіе участки земли и завести на нихъ образцовое хозяйство. Съ цѣлью покупки такихъ участковъ, Трудницкій, Н. Жебуневъ и чиновникъ Екатеринославской контр. палаты К. Ивановъ отправились путешествовать по Саратовской и Самарской губерніямъ, но подходящихъ земель имъ найти не удалось, вслѣдствіе чего Н. Жебуневъ поѣхалъ обратно за границу, а Трудницкій поселился въ Воронежѣ. Въ ноябрѣ 1873 г. къ Трудницкому пріѣхали С. Жебуневъ и Кобіевъ и объявили, что кружокъ радикально измѣнилъ свои убѣжденія и прійдя къ заключенію, что только посредствомъ революціи можно достигнуть какихъ-либо результатовъ, перешелъ съ пути мирнаго прогресса на путь революціонный. Затѣмъ Жебуневъ и Кобіевъ отправились въ Москву, чтобы повидаться съ нѣкоторыми студентами Петровской Академіи, отличавшимися революціоннымъ направленіемъ, и съ цѣлью войти въ сношенія съ другими революціонными кружками. Въ томъ же ноябрѣ въ Кіевѣ состоялся съѣздъ членовъ кружка для совѣщаній относительно предстоящей дѣятельности; на этомъ съѣздѣ присутствовали кромѣ Трудницкаго, С. Жебуневъ, Кобіевъ, В. Жебуневъ съ женою и сельскіе учителя: австрійскій подданный Андрей Франжоли и мѣщ. М. Кацъ. На этомъ съѣздѣ С. Жебуневъ и Кобіевъ сообщили, что изъ московскихъ дѣятелей къ нимъ присоединился студ. Петровской Акад. Фроленко, агитирующій уже въ средѣ фабричныхъ рабочихъ, а В. Жебуневъ передалъ Трудницкому о своемъ намѣреніи предложить на обсужденіе вопросъ: не слѣдуетъ-ли обществу войти въ сношеніе съ разбойничьими и воровскими шайками, чтобы съ ихъ помощью добывать матерьяльныя средства, нужныя на покупку и печатаніе запрещенныхъ книгъ. Совѣщанія членовъ кружка привели къ рѣшенію: произвести революцію, но не регулировать ее, а предоставить народу полную автономію результатомъ переустройства существующаго политическаго и соціальнаго строя долженъ

былъ быть федеральный союзъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга сельскихъ общинъ, не управляемыхъ никакими общими законами или представительными собраніями,—т. е. анархія. Лучшимъ способомъ веденія революціонной пропаганды была признана вербовка агитаторовъ изъ среды самого народа, причемъ была выработана слѣдующая программа дѣйствій: а) группами разселиться по Россіи; б) организація должна быть вполнѣ федеральная; в) не составлять никакого общества, подобнаго нечаевцамъ, не писать уставовъ, правилъ, программъ и т. п.; г) войти въ сношенія съ другими кружками революціонеровъ для передачи книгъ, брошюръ, прокламацій и для взаимной поддержки; д) не вести между собою переписки о революціонномъ дѣлѣ; е) не дѣйствовать на массу; ж) если кто будетъ сельскимъ учителемъ, — не дѣйствовать въ школѣ и вообще гдѣ бы то ни было публично на массу, а быть по наружности вполнѣ благонамѣреннымъ; з) въ отношеніи религіи, обрядовъ, приличій и пр. не нарушать существующихъ понятій; и) о Царѣ крестьянамъ ничего худого не говорить; к) дѣйствовать путемъ разговоровъ съ отдѣльными личностями, находить въ селахъ людей протестующихъ и обращать ихъ въ революціонеровъ; л) знакомить и соединять такія личности, чтобы въ случаѣ возстанія поднялось разомъ много селъ и м) въ городахъ дѣйствовать на артели, пропагандируя возстаніе подъ видомъ обученія грамотѣ.

Такимъ образомъ кружокъ Жебуневыхъ поставилъ себѣ задачей осуществленіе идей, проповѣдуемыхъ Бакунинымъ, и въ образѣ своихъ дѣйствій рѣшилъ слѣдовать тѣмъ правиламъ и указаніямъ, которыя преподаются русскимъ революціонерамъ въ книгѣ «Государственность и Анархія».

Послѣ съѣзда члены кружка разъѣхались съ цѣлью заняться подготовленіемъ революціи. В. и С. Жебуневы, Трудницкій и Кацъ поселились въ Конотопскомъ уѣздѣ; В. Жебуневъ и Кацъ получили черезъ Стефановича мѣста сельскихъ учителей, первый въ с. Дептовкѣ, а второй—въ с. Кошарахъ, затѣмъ Кацъ перешелъ въ с. Великій-Самборъ, а его мѣсто въ Кошарахъ занялъ Трудницкій, помощникомъ у котораго былъ С. Жебуневъ; А. Франжоли занялъ мѣсто сельскаго учителя въ с. Фастовцахъ Борзенскаго уѣзда, а Н. Жебуневъ и Макаревичъ съ женами, а также Кобіевъ, отправились въ Одессу, гдѣ затѣмъ Н. Жебуневымъ и была устроена кузница. Вскорѣ всѣ члены кружка бросили свою учительскую дѣятельность и лѣтомъ 1874 г. съѣхались въ Одессу.

Въ Одессѣ Н. Жебуневъ сперва работалъ въ слесарномъ заведеніи Рыхлицкаго, а затѣмъ открылъ свою собственную кузницу, въ которой работали перешедшіе къ нему отъ Рыхлицкаго рядовой Августъ Шрейдеръ и сынъ двор. Юрій Крыжановскій и которая 15 іюня 1874 г. была перенесена въ с. Васильевку, въ 60 в. отъ Одессы. Макаревичъ обучался сапожному ремеслу и жилъ одно время на одной квартирѣ съ быв. студ. Соломономъ Чудновскимъ, съ которымъ и занимался ввозомъ въ Россію изъ-за границы революціонныхъ книгъ.

Крыжановскій перешелъ въ мастерскую Жебунева по уговору Леонида Дическуло, изрѣдка посѣщавшаго Жебунева.

Весною Дическуло отправился на работу въ Евпаторію съ цѣлью пріискать надлежащихъ людей для пропаганды, а по возвращеніи разсказывалъ Жебуневу, что крымскіе татары—люди весьма пригодные для революціоннаго дѣла, и что ему удалось устроить въ самой Евпаторіи бунтъ между рабочими, возбудивъ ихъ противъ хозяина, который заставлялъ ихъ работать слишкомъ долго. Дическуло и прусскій подданный Вильгельмъ Ланганцъ, несомнѣнно принадлежавшіе къ одесскому революціонному кружку, были задержаны въ устроенной ими бондарной мастерской въ с. Попельнастомъ, Верхнеднѣпровскаго у., на границѣ Екатеринославской и Полтавской гг.

Тимофей Квятковскій, совмѣстно съ братомъ своимъ Александромъ, студ. Мед.-Хир. Акад. Иннокентіемъ Пьянковымъ, сыномъ свящ. Д. П. Соколовымъ и нѣкіимъ Ал. Антоновичемъ открыли въ с. Хотушахъ, Тульской губ., слесарную мастерскую съ нѣсколькими рабочими, среди которыхъ и занимались пропагандою революціонныхъ идей. Дѣла мастерской шли плохо, такъ что «хозяевамъ» пришлось скрыться.

Кружокъ Жебуневыхъ имѣлъ сношенія съ А. И. Желябовымъ.

Весною 1874 г., какъ уже сказано выше, петербургскіе агитаторы двинулись въ народъ, причемъ многіе изъ нихъ, какъ-то Коваликъ, Гриценковъ, Лемени-Македонъ, Иванъ и Клеопатра Блавдзевичъ, Аитовъ и А. О. Лукашевичъ остановились въ Москвѣ, гдѣ вошли въ сношенія съ мѣстными революціонными дѣятелями и куда еще ранѣе прибыли Клеменсъ, Кравчинскій и Шишко, подъ вліяніемъ которыхъ московская молодежь, собиравшаяся преимущественно въ квартирѣ О. Г. Алексѣевой, перешла отъ теоре-

тическихъ разсужденій о необходимости помочь народу выйти изъ его тяжелаго положенія къ практическому рѣшенію итти въ народъ съ цѣлью возбужденія его къ возстанію и ниспроверженію существующаго государственнаго и общественнаго строя. По показанію Алексѣевой у нея собирались: студенты Унив. Н. А. Саблинъ, Н. К. Львовъ и К. В. Аркадакскій, а также студ. Петр. Акад. Н. М. Аносовъ, воспит. Москов. гимназіи Н. А. Морозовъ и студ. Унив. Н. А. Устюжаниновъ, которымъ въ мартѣ 1874 г. были введены: забайкальскій казакъ Н. Н. Глушковъ и нижнеудинскій купецъ Д. Н. Сѣрышевъ.

Вскорѣ квартира Алексѣевой обратилась въ сборный пунктъ для революціонной пропаганды; въ ней стали появляться: Коваликъ, Антовъ, Блавдзевичъ, Гриценковъ, Кравчинскій, Клеменсъ, Шишко, а кромѣ того студенты Петр. Акад. А. А. Малиновскій и М. Г. Соловцовскій, Тетельманъ, бывш. мир. судья Городищенскаго у. Пензенской губ. П. И. Войнаральскій и помѣщ. Ярославской губ. А. Иванчинъ-Писаревъ и двор. Д. Дубенскій.

Усвоивъ революціонное направленіе, кружокъ Алексѣевой рѣшилъ приступить къ устройству мастерской, которая могла бы служить средствомъ сближенія съ рабочимъ людомъ.

Въ это же время въ средѣ студентовъ Петровской Академіи образовался революціонный кружокъ, членами котораго были студенты: М. Ф. Фроленко (скрывшійся), А. Е. Знаменскій, Аносовъ, Соловецкій и Малиновскій, а также Цвѣтковъ и Дружининъ. Этотъ кружокъ также рѣшилъ устроить мастерскую.

Первая мастерская была открыта Фроленко въ квартирѣ его, но просуществовала недолго, а затѣмъ была перенесена въ другое мѣсто и вскорѣ закрылась. Работали въ ней почти исключительно сами основатели.

Исключенный въ 60-хъ годахъ изъ Московскаго Университета за студенческіе безпорядки и высланный въ Архангельскую губ., и въ 1873 г. освобожденный отъ надзора, П. И. Войнаральскій былъ вскорѣ избранъ мировымъ судьей, въ каковой должности не былъ утвержденъ Правительствующимъ Сенатомъ. Побывавъ въ 1874 г. въ Петербургѣ и Москвѣ и познакомившись съ революціонными дѣятелями, Войнаральскій рѣшилъ открыть собственную мастерскую для пропаганды революціонныхъ идей, что вскорѣ и привелъ въ исполненіе въ Москвѣ. Вскорѣ мастерская была закрыта.

Тѣмъ временемъ кружокъ Алексѣевой открылъ еще башмачную

мастерскую въ квартирѣ Глушкова. Вскорѣ мастерская была закрыта, и московскіе агитаторы, считая себя достаточно подготовленными къ практической дѣятельности, стали отправляться на пропаганду.

Почти одновременно съ закрытіемъ мастерской, Войнаральскій приступилъ къ новому дѣлу, а именно—къ печатанію запрещенныхъ и революціонныхъ книгъ въ типографіи Мышкина (см. ниже). Всѣ же прочіе отправились въ народъ.

Аносовъ съ Аитовымъ отправились въ Нижній-Новгородъ, гдѣ уже были Нефедовъ, Тепловъ, Усачевъ и Фоминъ. А. О. Лукашевичъ—въ с. Павлово, Нижегородской губ.

Въ 1874 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, подъ вліяніемъ пропаганды А. И. Ливанова, бывшаго студента Технолог. Инст., также образовался революціонный кружокъ, въ составъ котораго вошли: семинаристы Граціановъ, Александровскій, В. Серебровскій, Духовской и крестьянинъ Николай Биткинъ.

Казакъ Н. Глушковъ и Д. Сѣрышевъ поселились на дачѣ въ Петровскомъ-Разумовскомъ, гдѣ къ нимъ присоединился студентъ Технолог. Инст. И. Н. Чернявскій. Посѣщая трактиры, они всѣ занимались раздачей рабочимъ книгъ преступнаго содержанія.

Въ 1875 г. Устюжаниновъ, вмѣстѣ съ В. Н. Панютиной, при содѣйствіи В. Н. Щепкина, поселился въ дер. Новинкахъ, Богородскаго у., у крестьянина Мурашева. Здѣсь они занимались пропагандой, какъ устной, такъ и при помощи книгъ.

Н. А. Морозовъ, Н. Саблинъ и Алексѣева въ началѣ мая 1874 г. появились въ Даниловскомъ у., Ярославской губ., въ селѣ Потаповѣ, имѣнія Иванчина-Писарева, самъ владѣлецъ котораго, устроивъ осенью 1873 г. столярную мастерскую у себя въ имѣніи, тоже занимался веденіемъ революціонной пропаганды среди мѣстныхъ крестьянъ.

Дѣятельными сотрудниками Иванчина-Писарева были проживавшіе въ селѣ Вятскомъ земскій врачъ И. И. Добровольскій, у котораго поселился Саблинъ, и земская акушерка, бывшая цюрихская студентка, М. П. Потоцкая.

Въ Ярославской губерніи революціонная пропаганда велась еще въ Рыбинскомъ уѣздѣ и въ самомъ Ярославлѣ. Представителями революціонныхъ дѣятелей въ Рыбинскѣ были Дм. Бородулинъ, Пав. Троицкій и Марія Гейшторъ, а также Софія Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, отправившаяся изъ Петербурга въ Саратовъ и останавливавшаяся на нѣсколько дней въ Рыбинскѣ. Въ г. Ярославлѣ

занимался пропагандою Коваликъ, прибывшій туда изъ Москвы съ Митрофаномъ Гриценковымъ. Въ Ярославлѣ Коваликъ былъ не долго, занимаясь пропагандой среди студентовъ Лицея и доставая отъ нихъ рекомендательныя письма въ разные города. Изъ Ярославля онъ уѣхалъ въ Кострому, гдѣ занялся пропагандой среди семинаристовъ, но очень недолго. Въ Калужскую губ. Коваликъ самъ не поѣхалъ, а отправилъ въ Калугу бывшаго студ. Технол. Инст. Арк. Головина.

Въ это же время революціонная пропаганда велась въ с. Ловати, Жиздринскаго у. Калужской г., земскимъ врачемъ Н. Козачкомъ, студ. Петерб. Унив. Введенскимъ и не окончившимъ курса Орловской гимназіи Н. Махаевымъ.

Продолжая свое путешествіе, Коваликъ переѣхалъ въ Нижній, гдѣ сходился съ семинаристами, которымъ внушалъ необходимость оказанія помощи народу, для чего слѣдуетъ бросить ученіе, итти въ народъ и возбуждать его къ возстанію противъ правительства.

Изъ Нижняго Коваликъ направился въ Казань, гдѣ и явился къ студенту мѣстнаго университета Евгенію Овчинникову, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо отъ студ. Петровской Акад. Бердникова.

Изъ Казани Коваликъ поѣхалъ черезъ Самарскую губ. въ Саратовъ, куда и прибылъ въ концѣ мая, и поселился въ мастерской Пельконена, устроенной Порфиріемъ Войнаральскимъ.

Оставаясь въ Москвѣ, Войнаральскій занялся печатаніемъ запрещенныхъ и революціонныхъ сочиненій для распространенія ихъ въ народѣ, причемъ ближайшимъ сотрудникомъ его явился домашній учитель Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ, содержавшій типографію на Арбатѣ, въ которой и занялся почти исключительно печатаніемъ запрещенныхъ сочиненій. Наборъ, верстаніе, печатаніе и т. д. означенныхъ сочиненій производились въ особомъ отдѣленіи типографіи, носившемъ названіе женской наборной, куда никто изъ непосвященныхъ въ преступную дѣятельность Мышкина не допускался.

Въ типографіи постоянно работали дочь коллежск. секретаря Ефрузина Супинская, дочери колл. ассес. Елена и Юлія Прушакевичъ, дочь маіора Софія Андреевна Иванова, жена штабсъ-кап. Ольга Фетисова и дочь подполк. Елисавета Ермолаева. Брошюровкой занималась дочь подполк. Лариса Заруднева.

Въ типографіи работали весьма осторожно, отпечатанные листы тотчасъ уносились, равно какъ и макулатурные листы; работа

шла спѣшно, иногда работали и ночью, и наконецъ, около половины мая была отпечатана въ значительномъ количествѣ экземпляровъ «Исторія одного французскаго крестьянина», переименованная въ «Исторію одного изъ многострадальныхъ» и передѣланная отчасти Мышкинымъ, что видно изъ его показанія.

Кромѣ этой книги, были отпечатаны еще сочиненія Лассаля, прокламація «Чтой-то братцы», выдержки изъ «Впередъ» и штукъ 40—50 бланокъ для паспортовъ.

Заниматься брошюровкой въ Москвѣ было признано неудобнымъ, а потому въ Пензу къ Рогачеву была отправлена Кл. Блавдзевичъ съ тремя ящиками отпечатанныхъ листовъ.

Вскорѣ отправились въ Саратовъ Лемени-Македонъ, Иванъ Блавдзевичъ, Войнаральскій съ женой, Селивановъ и Юлія Прушакевичъ, выславъ предварительно туда же ящики съ отпечатанными листами для брошюровки.

Задумавъ заняться брошюровкою и распространеніемъ отпечатанныхъ въ типографіи Мышкина сочиненій внѣ Москвы, Войнаральскій рѣшилъ устроить въ Саратовѣ мастерскую, которая должна была служить съ одной стороны удобнымъ мѣстомъ для брошюровки, а съ другой —притономъ для лицъ, ушедшихъ въ народъ. Съ этой цѣлью Войнаральскій въ началѣ мая 1874 г. отправилъ въ Саратовъ Кулябко и Пельконена съ порученіемъ найти удобную квартиру и открыть въ ней мастерскую, причемъ Кулябкѣ было рекомендовано познакомиться съ семинаристомъ П. А. Ломоносовымъ и съ двор. А. И. Фаресовымъ. Кулябко въ точности исполнилъ порученіе Войнаральскаго, и къ пріѣзду послѣдняго сапожная мастерская была уже открыта Пельконеномъ.

Мастерскую посѣщали Фаресовъ, Ломоносовъ, Коваликъ, Рогачевъ, Иванъ Блавдзевичъ.

Въ этой мастерской и производилось фальцеваніе отпечатанныхъ листовъ, причемъ приходилось сильно торопиться, такъ какъ опасались обыска, что вскорѣ и подтвердилось. Обыскъ былъ произведенъ троекратно: 31 мая, 4 и 10 іюня 1874 г., причемъ были задержаны всѣ вышеуказанныя лица, за исключеніемъ Войнаральскихъ, Селиванова, Ковалика и Рогачева.

Рогачевъ уѣхалъ въ Тамбовъ, Коваликъ —въ с. Вязовку къ помѣщику Б. Малышеву, у котораго тайно взялъ видъ на жительство, выданный Саратовскимъ полиц. управл. Войнаральскій уѣхалъ съ Селивановымъ въ Самару, гдѣ цѣлью его было устройство притона, на подобіе мастерской Пельконена. Вернувшись въ Саратовъ

и зайдя въ сосѣдній съ мастерской трактиръ, Войнаральскій и Селивановъ поняли, что все открыто, и поспѣшили уѣхать въ Пензу, гдѣ въ это время велась дѣятельная пропаганда членами революціоннаго кружка, основаннаго Войнаральскимъ и Рогачевымъ, въ составъ котораго входили Каменьскій, Рогачевъ, Сабелькинъ, Кротоновъ, Добровъ, Ареопагитскій и Покровскій, которые агитировали главнымъ образомъ среди пензенской учащейся молодежи, а Рогачевъ сверхъ того и среди крестьянъ с. Нижній-Шкафтъ, гдѣ онъ и проживалъ подъ видомъ письмоводителя Войнаральскаго. Вскорѣ въ Пензу прибыли еще агитаторы изъ другихъ мѣстъ имперіи: Клеопатра Блавдзевичъ, Судзиловская, Надежда Юргенсъ и Спѣсивцевъ. Кромѣ того кружокъ увеличился вступленіемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей: гимназ. Миллера и Николая Жилинскаго съ женой.

Кружокъ устраивалъ сходки, душою которыхъ былъ Рогачевъ. Сходки всѣ имѣли одинаковый характеръ. Обыкновенно Рогачевъ читалъ какую-либо статью, въ томъ числѣ и изъ журнала «Впередъ», а затѣмъ комментировалъ прочитанное, причемъ онъ убѣждалъ своихъ слушателей въ необходимости революціи и совѣтовалъ имъ бросить ученіе и итти въ народъ, подготовлять его къ возстанію, говоря, что не время учиться, когда страдаетъ меньшая братія; оканчивались сходки обыкновенно пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ.

Старанія Рогачева побудить своихъ слушателей къ пропагандѣ въ народѣ не прошли вовсе безслѣдно; изъ числа членовъ кружка Сабелькинъ и Спѣсивцевъ отправились на пропаганду въ мѣстечко Виляевку и селеніе Ельшанку, взявъ съ собою и революціонныя книги. Спѣсивцевъ, впрочемъ, вскорѣ возвратился въ Харьковъ.

Вскорѣ въ Пензу прибыли Войнаральскій и Селивановъ, узнавшіе въ Саратовѣ о закрытіи мастерской Пельконена и объ арестованіи проживавшихъ въ ней лицъ.

Желая, на случай своего ареста, спасти для революціоннаго дѣла пожертвованный имъ на таковое капиталъ, Войнаральскій задумалъ посредствомъ безденежныхъ векселей перевести свои деньги на другихъ лицъ. Вслѣдствіе сего Войнаральскій обратился съ просьбой къ Каменьскому съѣздить въ Городище къ мировому судьѣ Эндаурову, передать ему письмо и просить пріѣхать въ Пензу, захвативъ съ собой нотаріальную книгу и печать, что Каменьскій и поспѣшилъ исполнить. Выѣхавъ изъ Пензы, Каменьскій на другой день вернулся въ Пензу съ Эндауровымъ. Война-

ральскій заявилъ Эндаурову о необходимости ликвидировать свои дѣла изъ опасенія, чтобы на его капиталъ не былъ наложенъ арестъ, и высказалъ желаніе выдать на имя Каменьскаго вексель въ 20.000 рублей, который тутъ же и былъ написанъ, послѣ чего Войнаральскій самъ записалъ векселя въ книгу и сдѣлалъ на нихъ надпись. Кромѣ того Войнаральскій просилъ Эндаурова достать ему бланкъ подорожной, что Эндауровъ на слѣдующій день и исполнилъ. Въ этой подорожной текстъ былъ вписанъ самимъ Войнаральскимъ, который постарался также достать видъ и для Селиванова. Селивановъ также написалъ вексель на имя Каменьскаго въ 6.000 рублей.

Изъ Пензы Войнаральскій и Селивановъ отправились въ Москву, гдѣ въ ихъ отсутствіе положеніе дѣлъ сильно измѣнилось. Къ началу іюня изъ членовъ кружковъ Алексѣевой и Петровской Академіи въ Москвѣ остались только братья Аркадакскіе, всѣ же прочіе выѣхали изъ Москвы, причемъ дальнѣйшая дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ осталась необнаруженною; къ числу послѣднихъ относятся Кравчинскій, Клеменсъ, Фроленко, успѣвшіе вовсе скрыться отъ преслѣдованія, и Шишко, задержанный въ августѣ въ квартирѣ поручика артиллеріи Венюкова; остальные же, т. е. Соловцовскій, Знаменскій и Малиновскій были задержаны: первые двое—въ Тульской губ., а послѣдній—въ Вологодской губ.

Такимъ образомъ, къ іюню 1874 г. въ Москвѣ оставались только братья Аркадакскіе, продолжавшіе принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ типографіи Мышкина, въ которой въ концѣ мая или началѣ іюня появились двѣ новыя личности—быв. воспитанникъ Самарской дух. семинаріи Н. Скворцовъ и мѣщанка Ольга Шевырева.

Въ типографіи Мышкина продолжали работать такъ же спѣшно, какъ и до отъѣзда Войнаральскаго; отпечатанныя сочиненія посылались подъ видомъ какого-нибудь товара въ Пензу, Саратовъ и Петербургъ.

Извѣстіе объ арестѣ въ Саратовѣ обитателей мастерской Пельконена нарушило спокойствіе работавшихъ въ типографіи лицъ.

Черезъ нѣсколько дней въ типографіи были произведены обыски (6 и 9 іюня) и всѣ работавшіе въ ней были арестованы, за исключеніемъ Мышкина, уѣхавшаго въ Рязань.

Въ промежутокъ между первымъ и вторымъ обысками возвратился въ Москву Мышкинъ, куда въ это же время прибыли Войнаральскій и Селивановъ изъ Пензы и Рогачевъ изъ Тамбова.

Послѣ свиданія съ означенными лицами Мышкинъ скрылся изъ Москвы за границу. Войнаральскій съ Рогачевымъ уѣхали въ Саратовъ, а Селивановъ въ Смѣлы, Кіевской г., гдѣ и былъ задержанъ 13 авг. 1874 г.

Мышкинъ, пробывъ нѣкоторое время за границей, вернулся въ Россію и въ іюлѣ 1875 г. былъ задержанъ въ Сибири при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

12 іюля 1875 г. къ и. д. Вилюйскаго окружного исправника, сотнику Жиркову, явилась личность въ мундирѣ жандармскаго офицера, назвалась поручикомъ корпуса жандармовъ Мещериновымъ и предъявила Жиркову телеграмму Генералъ-Губернатора Восточной Сибири Иркутскому Жандармскому управленію объ оказаніи Вилюйскимъ исправникомъ содѣйствія поручику Мещеринову при переводѣ государственнаго преступника Чернышевскаго въ Благовѣщенскъ, сообщеніе Иркутскаго Жандармскаго управленія на имя Вилюйскаго исправника также объ оказаніи содѣйствія Мещеринову и предписаніе того же управленія на имя унтеръ-офицера Корпуса Жандармовъ Фомина такого же содержанія. На основаніи поименованныхъ документовъ, назвавшійся поручикомъ Мещериновымъ хотѣлъ произвести обыскъ у Чернышевскаго и увезти послѣдняго въ Благовѣщенскъ, но не былъ къ этому допущенъ Жирковымъ, усумнившимся какъ въ личности Мещеринова, такъ и въ дѣйствительности возложеннаго будто бы на него порученія, а когда затѣмъ Мещериновъ изъявилъ желаніе отправиться въ Якутскъ, то Жирковъ приказалъ двумъ казакамъ, Семену Бубякину и Михаилу Маршинцеву, конвоировать Мещеринова до Якутска. На 8 станціи отъ Вилюйска къ нимъ присоединился ѣхавшій также въ Якутскъ мѣщанинъ Егоръ Чудановъ. Дорогою, когда всѣ означенныя лица ѣхали верхомъ и Бунякинъ находился впереди всѣхъ, Мещериновъ выстрѣлилъ въ него два раза изъ револьвера, причемъ ранилъ его въ бедро, потомъ, обернувшись, выстрѣлилъ въ Чуданова, у котораго пуля просвистѣла мимо лѣваго уха, и въ Маршинцева, послѣ чего бросился въ лѣсъ, въ которомъ и скрылся, но черезъ нѣсколько дней былъ задержанъ якутами.

Выдававшій себя за поручика Мещеринова, на первомъ допросѣ назвался сыномъ священника Титовымъ, воспитывавшимся въ Вологодской семинаріи, но затѣмъ, когда, по наведенной справкѣ, оказалось, что Титова въ Вологодской семинаріи никогда не было, призналъ, что онъ—Ипполитъ Мышкинъ, и что цѣлью его поѣздки въ Вилюйскъ было освобожденіе Чернышевскаго.

Въ Самарской губерніи существовали два центра революціонной дѣятельности. Первый изъ нихъ находился въ г. Николаевскѣ, гдѣ представителями революціонной пропаганды явились мѣстный земскій врачъ А. А. Кадьянъ, членъ кіевскаго кружка Н. К. Судзиловскій и двор. И. Ф. Рѣчицкій-Логиновъ и куда прибыли Ковaликъ, подъ именемъ Малышева, и Ломоносовъ, подъ именемъ Бѣлкина.

7 іюля 1874 г. былъ произведенъ обыскъ у Кадьяна, причемъ послѣдній былъ арестованъ вмѣстѣ съ Рѣчицкимъ. Коваликъ же и Судзиловскій скрылись, причемъ Судзиловскому удалось окончательно скрыться отъ преслѣдованія, а Коваликъ былъ задержанъ въ Самарѣ вмѣстѣ съ членомъ самарскаго кружка Осташкинымъ.

Коваликъ призналъ, что принадлежалъ къ соціально-революціонной партіи и что съ цѣлью организовать силы этой партіи велъ революціонную пропаганду, какъ въ средѣ народа, такъ и въ средѣ интеллигенціи, подготовляя такимъ образомъ народное возстаніе.

Другимъ центромъ революціонной дѣятельности въ Самарской губ. былъ г. Самара, гдѣ существовали два кружка, — одинъ, образовавшійся изъ кружка «саморазвитія», къ которому принадлежалъ Городецкій, а другой, — основанный Войнаральскимъ; между обоими кружками установилась впослѣдствіи тѣсная связь.

Послѣ отъѣзда изъ Самары, осенью 1873 г., Городецкаго и Чернышева, кружокъ «саморазвитія» не прекратилъ своихъ занятій и число его членовъ стало постепенно увеличиваться. Осенью 1873 г. вошли въ кружокъ: воспитанница самарской жен. гимн. В Н. Боголюбова, писецъ уѣзд. зем. управы крест. И. И. Бѣляковъ, писецъ губ. зем. упр. С. Н. Дегтяревъ и крест. села Малаго-Толкая Р. А. Бодяжинъ.

Въ началѣ января 1874 г. въ составъ кружка вошелъ мѣщ. П. Э. Александровъ, а въ февралѣ—восп. Самар. гимн. Е. Е. Лазаревъ.

Пополнивъ свой составъ новыми личностями, кружокъ продолжалъ свои занятія: сначала занимались чтеніемъ, а затѣмъ Осиповъ и Филадельфовъ стали доказывать, что нужно распространять образованіе въ народѣ, учить его быть самостоятельнымъ съ тѣмъ, чтобы онъ впослѣдствіи могъ самъ управлять собою, и внушать народу необходимость такого самоуправленія,

вслѣдствіе чего всѣ разговоры въ кружкѣ сосредоточились на темѣ «что дѣлать?»

Въ февралѣ появились въ средѣ членовъ кружка сочиненія Бакунина «Государственность и Анархія» и «Историческое развитіе Интернаціонала», подъ вліяніемъ которыхъ кружокъ окончательно уклонился отъ первоначальной своей программы (самообразованіе) и принялъ вполнѣ революціонное направленіе.

Въ апрѣлѣ прибылъ въ Самару Городецкій, который, какъ видно изъ его собственнаго показанія, въ половинѣ марта отправился изъ Петербурга въ Смоленскую губ., въ имѣніе знакомаго ему помѣщика Органовича, гдѣ работалъ въ кузницѣ, пробовалъ заговаривать съ крестьянами объ ихъ положеніи и передалъ работавшему вмѣстѣ съ нимъ мальчику нѣсколько тенденціозныхъ книгъ; пробывъ у Органовича около мѣсяца, Городецкій направился въ Самару черезъ Тамбовъ и Саратовъ, привезя съ собою революціонныхъ книгъ. Около того же времени пріѣхали Чернышевъ, тоже привезшій книги, и Клеопатра Лукашевичъ, вышедшая вскорѣ замужъ за Осипова, а также Никитинъ съ женою и Курдюмовъ, Бухъ и Чернышевъ.

Съ пріѣздомъ петербургскихъ товарищей дѣятельность кружка оживилась и для окончательной выработки программы дѣйствій былъ устроенъ цѣлый рядъ сходокъ, на которыхъ говорилось, что правительство обманываетъ народъ и злоупотребляетъ его довѣріемъ, что налоги слишкомъ тяжелы и что освободиться отъ правительственнаго гнета можно только при помощи огня и меча, причемъ Городецкій увѣрялъ присутствовавшихъ, что въ Смоленской губ. народъ достаточно подготовленъ къ возстанію, и высказывалось такъ же, что прибѣгать къ бунту не будетъ предстоять надобности, такъ какъ правительственный гнетъ спадетъ самъ собою также, какъ исчезло крѣпостное право. Для достиженія желаемой цѣли, т. е. паденія правительства, лица, принимавшія участіе въ сходкахъ, предполагали сблизиться съ народомъ и внушать ему, что земля не должна быть ни помѣщичьею, ни государственною, а общинною, и что обществу должны принадлежать также и желѣзныя дороги; подобнаго рода мысли должны были проводиться всюду, гдѣ къ тому можетъ представиться удобный случай. Сверхъ того, на сходкахъ читались революціонныя книги.

Съ наступленіемъ лѣта самарскій кружокъ приступилъ къ осуществленію своихъ замысловъ; нѣкоторые изъ его членовъ,

отправляясь на пропаганду, вовсе оставили Самару, другіе же лишь временно отлучались изъ послѣдняго города.

В. Осиповъ отправился въ Ставрополь, затѣмъ въ Казань, послѣ чего путешествовалъ по Вятской губ. съ цѣлью ознакомленія съ народнымъ бытомъ и, наконецъ, былъ задержанъ въ Петербургѣ подъ фамиліей Никольскаго.

Клеопатра Лукашевичъ, вышедшая замужъ за Осипова, отправилась въ Вятскую губернію, гдѣ 30 августа 1874 г. и была задержана, подъ именемъ Маріи Михайловой, въ квартирѣ сельской учительницы Клавдіи Кувшинской, въ селѣ Ивановкѣ, Орловскаго уѣзда.

Проживая въ с. Ивановкѣ, Осипова принимала участіе въ крестьянскихъ работахъ и читала крестьянину, въ домѣ котораго жила, какую-то маленькую книжку о томъ, какъ «три брата жили въ пустынѣ, а одинъ изъ нихъ залѣзъ на лѣсину». По обыску въ квартирѣ Осиповой было найдено: а) письмо какого-то Семена, въ которомъ послѣдній проситъ свою мать принять Марью Михайлову для обученія ея сельскимъ работамъ; б) синяя крестьянская рубашка и ситцевая юбка; в) карта Европейской Россіи; г) записка, писанная рукою Осиповой и начинающаяся словами: «Чтой-то вы, братцы, все жалуетесь на судьбу свою» и д) книги: «Государственность и Анархія», «Историческое развитіе интернаціонала», «Клодъ Гэ», «Дѣвушка Егоръ» и «Степанъ Тимофеевичъ Разинъ».

Павелъ Александровъ вмѣстѣ съ Чернышевымъ ходилъ въ село Дубовъ Уметъ раздавать книги, а съ Никитинымъ ѣздилъ въ Бузулукскій уѣздъ съ тою же цѣлью, осуществить которую имъ однако не удалось. Съ Никифоромъ Емельяновымъ Александровъ разъѣзжалъ по окрестнымъ деревнямъ съ цѣлью возбужденія народа противъ правительства и распространенія книгъ преступнаго содержанія.

Емельяновъ ѣздилъ на Сергіевскія минеральныя воды, гдѣ дѣятельно и успѣшно занимался пропагандой и раздавалъ книги, пріобрѣтая себѣ приверженцевъ.

Иванъ Бѣляковъ, вмѣстѣ съ Никитинымъ, ходилъ съ цѣлью возмущенія народа и раздачи книгъ въ села Царицыно, Семейкино, Буянъ, Красный Яръ и Каменку.

Никитинъ съ Курдюмовымъ и Милоголовкинымъ для той же цѣли ходилъ въ Вязовку, Кандыбань, Березовый Гай, Подгорье и Екатериновку.

Филадельфовъ и Осташкинъ ходили въ села Смышляевку, Черновку и Грачевку.

Независимо отъ сего Осташкинъ, а также Дегтяревъ вошли въ близкія сношенія съ кружкомъ, основаннымъ Войнаральскимъ.

Войнаральскій тѣмъ временемъ путешествовалъ по Корсунскому и Сызранскому уѣздамъ, затѣмъ возвратился въ Самару, вскорѣ послѣ чего отправился на пропаганду въ Ставропольскій уѣздъ, причемъ на этотъ разъ спутницею Войнаральскаго была Надежда Юргенсонъ.

Въ Ставропольскомъ уѣздѣ Войнаральскій и Юргенсонъ направились къ своему знакомому народному учителю Льву Канаеву, въ село Васильевку, Вольная Грязнуха тожъ. Въ квартиру Канаева были приглашены крестьяне, которымъ Войнаральскій высказывалъ, что съ крестьянъ взыскиваютъ подати, земли же даютъ мало, что земля сотворена Богомъ и повинностей за нее брать не слѣдуетъ и что если бъ не было начальства, то землю раздѣлили бы поровну и некому было бы платить повинностей.

Крестьяне, съ которыми разговаривалъ Войнаральскій, сообщили обо всемъ сельскому старостѣ. Послѣдній распорядился приставить къ Войнаральскому и Юргенсонъ караулъ, но на слѣдующій день имъ удалось бѣжать. Черезъ три дня послѣ этого Войнаральскій и Юргенсонъ были задержаны въ Самарѣ (24 іюля 1874 г.).

Независимо отъ вышеизложеннаго, слѣдствіемъ обнаружены отдѣльные случаи распространенія книгъ революціоннаго содержанія въ Вятской и Орловской губерніяхъ и въ г. Москвѣ.

По окончаніи предварительнаго слѣдствія Николай Стронскій умеръ отъ паралича сердца. Неизвѣстный человѣкъ, задержанный въ Харьковѣ и называвшій себя Павломъ Александровымъ, заявилъ, что онъ крестьянинъ Московской губ., дер. Шелковой, Иванъ Осиповъ Союзовъ, а Юлія Семенова (Прушакевичъ), Евгеній Іогансонъ и Ааронъ Павловскій скрылись.

Сверхъ сего, подсудимые Волховской и Всеволодъ Лопатинъ обвиняются въ слѣдующемъ.

21 ноября 1874 г. содержавшійся подъ стражею въ Московскомъ тюремномъ замкѣ Феликсъ Волховской, возвращаясь въ замокъ изъ Жандармскаго Управленія, бросилъ въ глаза сопровождавшему его жандарму Баранову нюхательный табакъ и пытался скрыться, но былъ задержанъ.

Всеволодъ Лопатинъ, по уговору съ Волховскимъ, оказался какъ разъ на хорошей лошади передъ замкомъ въ то время, когда Волховской сдѣлалъ попытку къ бѣгству, и оказалъ при этомъ помощь послѣднему.

Составленъ въ г. С.-Петербургѣ. Мая 5 дня 1877 г.

Подлинный подписалъ: Товарищъ Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената

В. Желеховскій.

Приговоръ по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи.

1877/8 года $\frac{\text{октября 18}}{\text{января 23}}$ дня.

По указу Его Императорскаго Величества правительствующій сенатъ, въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, въ слѣдующемъ составѣ:

Г. первоприсутствующій К. К. Ренненкампфъ, Г.г. сенаторы: М. Н. Похвисневъ, баронъ М. Н. Медемъ, Н. О. Тизенгаузенъ, Б. Н. Хвостовъ, предводители дворянства: черниговскій губернскій Н. Н. Неплюевъ, вышневолоцкій уѣздный П. П. Сназинъ-Тормасовъ, новгородскій городской голова Я. П. Журавлевъ и стародеревенскій волостной старшина Н. С. Лукьяновъ,

При оберсекретарѣ В. В. Поповѣ,

Въ присутствіи товарища оберпрокурора В. А. Желеховскаго и прокурора екатеринбургскаго окружного суда Н. Н. Шубина,

Слушалъ дѣло о революціонной пропагандѣ въ Имперіи.

Выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, правительствующій сенатъ находитъ, что въ 1872 году, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ революціонныхъ ученій, нѣсколько лицъ, по предварительному

между собою соглашенію, составили въ Россіи противозаконное сообщество, съ цѣлью ниспроверженія правительства и установленнаго закономъ государственнаго устройства въ Россійской Имперіи, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Сообщество это, въ составъ коего вступили, съ знаніемъ о цѣляхъ онаго, много лицъ разнаго званія и возраста, для достиженія указанной выше цѣли, предприняло распространеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи соотвѣтствующаго той цѣли ученія среди крестьянскаго населенія, рабочихъ людей и учащагося юношества, какъ путемъ устнаго наставленія, такъ и путемъ ввоза изъ-за границы и печатанія въ Россіи направленныхъ къ осуществленію той же цѣли сочиненій. Устныя наставленія производились частью на собираемыхъ для сего сходкахъ, частью въ устраиваемыхъ отдѣльными лицами мастерскихъ и учреждаемыхъ, для обученія народа, частныхъ школахъ. Ввозъ книгъ изъ-за границы производился какъ членами сообщества, такъ и посторонними лицами, по порученію означенныхъ членовъ и при ихъ содѣйствіи. Наконецъ, печатаніе книгъ вышеуказаннаго преступнаго содержанія производилось въ устроенной для сего въ Москвѣ типографіи, откуда отпечатанныя книги и неброшюрованные листы разосланы были въ разныя мѣстности Россіи, гдѣ и были задержаны въ 1874 году. Независимо отъ вышеизложенной дѣятельности сообщества, нѣкоторые изъ членовъ онаго, а также лица, въ составъ сообщества не вступавшія, распространяли въ народѣ и среди учащагося юношества, съ цѣлью возбужденія ихъ къ явному неповиновенію власти верховной, сочиненія, по содержанію своему той цѣли соотвѣтствующія. Разсмотрѣвъ во всей подробности всѣ данныя, добытыя какъ предварительнымъ, такъ и судебнымъ слѣдствіемъ, правительствующій сенатъ нашелъ: *во-первыхъ*, что виновными въ составленіи вышеупомянутаго противозаконнаго сообщества представляются слѣдующія, привлеченныя къ сему дѣлу, въ качествѣ обвиняемыхъ, лица: 1) солдатскій сынъ Ипполитъ Никитинъ Мышкинъ, нынѣ 30 лѣтъ; 2) мѣщанинъ Порфирій Ивановъ Войнаральскій, 33 лѣтъ; 3) дворянинъ Сергѣй Филипповъ Коваликъ, 31 года, и 4) дворянинъ Дмитрій Михайловъ Рогачевъ, 26 лѣтъ. *Во-вторыхъ*, что виновными въ томъ, что вступили въ упомянутое сообщество, съ знаніями о цѣляхъ онаго, оказываются: 1) дворянинъ Сергѣй Силовъ Синегубъ, нынѣ 26 лѣтъ; 2) сынъ священника Василій Аполлоновъ Стаховскій, 26 лѣтъ; 3) мѣщанинъ Моисей Абрамовъ Рабиновичъ, 20 лѣтъ; 4) крестьянинъ Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, Зубов-

ской волости, деревни Мишино, Ѳеофанъ Никандровъ Лермонтовъ, 29 лѣтъ; 5) дворянинъ Феликсъ Вадимовъ Волховской, 32 лѣтъ; 6) дворянинъ Сергѣй Александровъ Жебуневъ, 28 лѣтъ; 7) дворянинъ Викторъ Ѳедоровъ Костюринъ, 24 лѣтъ: 8) почетный гражданинъ Петръ Ѳедоровъ Ларіоновъ, 25 лѣтъ; 9) дворянка Софья Александрова Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ. 37 лѣтъ; 10) оберофицерскій сынъ Владиміръ Яковлевъ Мейеръ, 26 лѣтъ; 11) дворянинъ Иванъ Ивановъ Добровольскій, 27 лѣтъ: 12) дворянинъ Тимоѳей Александровъ Квятковскій, 25 лѣтъ; 13) дворянинъ Викторъ Александровъ Осташкинъ, 23 лѣтъ; 14) дворянинъ Николай Аполлоновъ Чарушинъ, 25 лѣтъ; 15) дворянинъ Леонидъ Эммануиловъ Шишко, 25 лѣтъ; 16) дворянинъ Петръ Маркеловъ Макаревичъ, 25 лѣтъ; 17) дворянинъ Михаилъ Васильевъ Купріяновъ, 24 лѣтъ: 18) дворянинъ Александръ Васильевъ Низовкинъ, 27 лѣтъ: 19) дворянка Елена Ивановна Аверкіева, 27 лѣтъ; 20) дворянка Екатерина Константиновна Брешковская, 33 лѣтъ; 21) дворянка Ефрузина Викентьевна Супинская, 25 лѣтъ; 22) сынъ священника Александръ Ивановъ Ливановъ, 27 лѣтъ; 23) сынъ священника Наѳанаилъ Іоновъ Скворцовъ; 24) австрійскій подданный Александръ Осиповъ Лукашевичъ, 22 лѣтъ: 25) дочь майора Софья Андреева Иванова, 21 года; 26) почетный гражданинъ Николай Елисѣевъ Гориновичъ, 22 лѣтъ; 27) дворянинъ Александръ Константиновъ Артамоновъ, 24 лѣтъ; 28) дворянинъ Николай Михайловъ Барковъ, 24 лѣтъ: 29) дворянинъ Гавріилъ Георгіевичъ Божко-Божинскій, 24 лѣтъ; 30) крестьянинъ Ярославской губерніи, Рыбинскаго уѣзда, Копринской волости, деревни Люшново, Сергѣй Ивановъ Виноградовъ, 23 лѣтъ; 31) дворянинъ Юрій Николаевъ Говоруха-Отрокъ, 26 лѣтъ; 32) дворянинъ Левъ Сергѣевъ Городецкій, 24 лѣтъ; 33) дворянинъ Викторъ Александровъ Даниловъ, 26 лѣтъ; 34) мѣщанинъ Михаилъ Никитинъ Кацъ, 25 лѣтъ; 35) крестьянинъ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, Тупиковской волости, деревни Екатини, Михаилъ Андреевъ Орловъ, 26 лѣтъ; 36) дворянинъ Иванъ Павловъ Блавдзевичъ, 24 лѣтъ; 37) дворянка Клеопатра Павлова Блавдзевичъ, 26 лѣтъ; 38) дворянка Варвара Иванова Ваховская, 22 лѣтъ; 39) сынъ колониста Иванъ Ивановъ Гауенштейнъ, 30 лѣтъ; 40) дворянинъ Аркадій Алексѣевъ Головинъ, 25 лѣтъ; 41) дворянинъ Митрофанъ Александровъ Гриценковъ, 21 года; 42) дворянинъ Алексѣй Алексѣевъ Дробышъ-Дробышевскій, 21 года; 43) мѣщанинъ Соломонъ Лейбовъ Аронзонъ. 24 лѣтъ: 44) сынъ дьякона Алексѣй Егоровъ Зна-

менскій, 24 лѣтъ: 45) почетная гражданка Александра Иванова Корнилова, 24 лѣтъ; 46) дочь священника Анна Дмитріева Кувшинская, 26 лѣтъ; 47) дочь коллежскаго совѣтника Татьяна Ивановна Лебедева, 26 лѣтъ; 48) сынъ священника Петръ Андреевъ Ломоносовъ, 21 года; 49) мѣщанинъ Киріакъ Родіоновъ Милоглазкинъ, 27 лѣтъ; 50) дворянинъ Степанъ Васильевъ Мокіевскій-Зубокъ, 25 лѣтъ; 51) мѣщанинъ Николай Александровъ Морозовъ, 29 лѣтъ; 52) дворянинъ Владиміръ Алексѣевъ Осиповъ, 23 лѣтъ; 53) дворянинъ Николай Алексѣевъ Саблинъ, 28 лѣтъ: 54) сынъ дьякона Михаилъ Ѳеоктистовъ Спѣсивцевъ, 24 лѣтъ; 55) дворянинъ Левъ Александровъ Тихоміровъ, 26 лѣтъ: 56) сынъ священника Иванъ Дмитріевъ Трезвинскій, 24 лѣтъ; 57) дворянинъ Анатолій Ивановъ Фаресовъ, 24 лѣтъ; 58) дворянинъ Василій Ѳедоровъ Фишеръ, 30 лѣтъ; 59) австрійскій подданный Андрей Афанасьевъ Франжоли, 28 лѣтъ; 60) дочь титулярнаго совѣтника Надежда Александровна Юргенсонъ, 22 лѣтъ и 61) дворянинъ Александръ Викторовъ Ярцевъ, 27 лѣтъ. *Въ-третьихъ,* что подсудимыя: дворянка Елизавета Ѳедорова Ермолаева, 26 лѣтъ, и жена штабсъ-капитана Ольга Павлова Фетисова, 29 лѣтъ, оказываются виновными въ томъ, что, не принадлежа къ противозаконному сообществу, но зная о дѣятельности онаго и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія начальства, не исполнили сей обязанности. *Въ-четвертыхъ,* что изъ числа вышеуказанныхъ въ 1-мъ и во 2-мъ пунктахъ подсудимыхъ, составлявшихъ противозаконное сообщество и вступившихъ въ оное, нижепоименованные оказываются, сверхъ того, виновными въ томъ, что съ цѣлью возбудить рабочее населеніе и учащееся юношество къ явному неповиновенію власти верховной, распространяли въ разныхъ мѣстахъ Имперіи сочиненія, по содержанію своему той цѣли соотвѣтствующія, а именно: а) Порфирій Войнаральскій, въ 1874 году, въ городѣ Пензѣ, согласивъ другое лицо, къ составу сообщества не принадлежавшее, распространять сочиненія, возбуждающія къ неповиновенію власти верховной, передалъ этому лицу 30 экземпляровъ книгъ упомянутаго преступнаго содержанія, въ томъ числѣ «Исторію одного французскаго крестьянина», «Стеньку Разина» и прокламацію «Чтой-то братцы», и въ томъ же году, въ Самарѣ, читалъ рабочимъ плотничьей артели «Исторію одного французскаго крестьянина» и «Сказку о четырехъ братьяхъ»; б) Дмитрій Рогачевъ въ 1872 году, въ селѣ Нижнемъ-Шкафтѣ, Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи, распространялъ между крестьянами

этого селенія книги подъ названіемъ: «Стенька Разинъ», «Исторія одного французскаго крестьянина» и прокламацію «Чтой-то братцы», и въ 1874 году, въ городѣ Пензѣ, распространялъ между учениками мѣстныхъ учебныхъ заведеній сочиненія «Государственность и анархія», «Историческое развитіе интернаціонала» и журналъ «Впередъ»; в) Сергѣй Коваликъ, въ 1874 году, въ городѣ Ярословлѣ передалъ студенту Ярославскаго лицея Богданову книги: «Государственность и анархія» и «Историческое развитіе интернаціонала», и въ томъ же году, въ городѣ Харьковѣ, согласилъ нѣсколько лицъ распространять между воспитанниками разныхъ учебныхъ заведеній, съ упомянутою выше цѣлью, сочиненія, той цѣли соотвѣтствующія и, для приведенія сего въ исполненіе, передалъ тѣмъ лицамъ книги подъ заглавіемъ: «Государственность и анархія», «Исторія одного французскаго крестьянина» и «Стенька Разинъ», и затѣмъ, по отъѣздѣ изъ Харькова, доставилъ имъ и другія книги такого же преступнаго содержанія; г) Сергѣй Синегубъ, въ 1873 году, въ Петербургѣ, читалъ фабричнымъ рабочимъ сказку «объ Ильѣ Муромцѣ», «Стеньку Разина», стихотвореніе «Барка», а собиравшимся у него на квартирѣ лицамъ журналъ «Впередъ»; независимо отъ сего, онъ передалъ, для распространенія, крестьянину Зарубаеву, въ количествѣ 40 экземпляровъ, слѣдующія книги: «Сказку о четырехъ братьяхъ», «Стенька Разинъ», пѣсенникъ, прокламацію «Чтой-то братцы», и друг.; д) Василій Стаховскій, въ 1873 году, въ Петербургѣ, въ своей квартирѣ, читалъ фабричнымъ рабочимъ книги: «Стенька Разинъ» и «Сказку о четырехъ братьяхъ»; е) Моисей Рабиновичъ, въ 1874 году, привезъ въ городъ Харьковъ книги подъ заглавіемъ: «Государственность и анархія», «Историческое развитіе интернаціонала», «Сказку о четырехъ братьяхъ», и передалъ нѣсколькимъ лицамъ тѣ сочиненія, совѣтуя распространять оныя, съ цѣлью возбужденія къ явному неповиновенію власти верховной; ж) Иванъ Добровольскій, въ концѣ 1873 и въ началѣ 1874 года, въ селѣ Потаповѣ, Даниловскаго уѣзда, Ярославской губерніи, въ устроенной другимъ лицомъ мастерской, неоднократно читалъ рабочимъ этой мастерской и раздавалъ крестьянамъ сочиненія подъ заглавіемъ: «Стенька Разинъ» и «Государственность и анархія», причемъ чтеніе этихъ книгъ сопровождалъ объясненіями, направленными къ достиженію вышеупомянутой преступной цѣли; з) Тимоѳей Квятковскій, лѣтомъ 1874 года, въ селѣ Колтушахъ, Тульской губерніи, Тульскаго уѣзда, въ слесарной мастерской, читалъ рабочимъ этой мастерской

сочиненія вышеуказаннаго преступнаго содержанія, въ томъ числѣ «Сказку о четырехъ братьяхъ»; и) Николай Чарушинъ; і) Леонидъ Шишко и к) Михаилъ Купріяновъ, въ 1873 году, въ Петербургѣ, читали фабричнымъ рабочимъ, въ особомъ, нанятомъ для нихъ, помѣщеніи, сочиненія подъ заглавіемъ: «Исторія одного французскаго крестьянина», «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Стенька Разинъ», а также давали рабочимъ означенныя сочиненія для чтенія; л) Александръ Низовкинъ, въ началѣ 1874 года, въ Петербургѣ, передалъ въ библіотеку фабричныхъ рабочихъ значительное количество экземпляровъ сочиненій подъ заглавіями: «Исторія одного французскаго крестьянина», «Гражданская война во Франціи» и «Стенька Разинъ», каковыя сочиненія поступили въ составъ той библіотеки и были выдаваемы рабочимъ для чтенія; м) Александръ Ливановъ, въ концѣ 1873 года, въ городѣ Нижнемъ-Новгородѣ, читалъ и раздавалъ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и ученикамъ семинаріи, книги подъ заглавіями: «Стенька Разинъ», «Исторія одного французскаго крестьянина», «Слова вѣрующаго къ народу» и «Гражданская война во Франціи»; н) Викторъ Осташкинъ въ іюлѣ 1874 года, въ городѣ Самарѣ, читалъ рабочимъ артели плотниковъ «Сказку о четырехъ братьяхъ» и «Исторію одного французскаго крестьянина». Сверхъ того, слѣдующіе подсудимые, не изобличенные въ принадлежности къ противозаконному сообществу, виновны также въ распространеніи книгъ вышеизложеннаго преступнаго содержанія, съ цѣлью возбужденія къ явному неповиновенію власти верховной, а именно: лишенный всѣхъ правъ состоянія Митрофанъ Даниловъ Муравскій, нынѣ 40 лѣтъ, въ 1874 году, въ городѣ Оренбургѣ, и затѣмъ, странствуя по Белебеевскому и Челябинскому уѣздамъ, читалъ и раздавалъ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и крестьянамъ, книги подъ заглавіями: «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Исторія одного французскаго крестьянина» и журналъ «Впередъ»; крестьянинъ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, Дмитровской волости, села Стружина, Степанъ Петровъ Зарубаевъ, 30 лѣтъ, получивъ въ 1874 году, въ Петербургѣ, значительное количество книгъ, въ томъ числѣ «Исторію одного французскаго крестьянина», «Пѣсенникъ», «Сказку о четырехъ братьяхъ» и прокламацію «Чтой-то братцы», по прибытіи на родину, въ Тверскую губернію, роздалъ часть этихъ книгъ нѣсколькимъ крестьянамъ; крестьянинъ Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, Морозовской волости, деревни Шелковой, Иванъ Осиповъ Союзовъ, 29 лѣтъ, въ 1875 году, въ городѣ Харьковѣ, подъ ...е-

тѣхъ сочиненій въ предѣлы Россіи, для достиженія чего принималъ тѣ сочиненія, зная, что они упомянутаго преступнаго содержанія, въ пограничномъ съ Россіей мѣстечкѣ, перевозилъ тюки съ книгами черезъ границу и затѣмъ пересылалъ оные въ заранѣе условленные города. Наконецъ, въ покушеніи на преступное распространеніе сочиненій вышеупомянутаго содержанія оказывается виновною поименованная уже во второмъ пунктѣ подсудимая, дворянка Екатерина Брешковская: она, съ цѣлью возбудить крестьянъ къ бунту, отправилась въ сентябрѣ 1874 года, подъ именемъ крестьянки Ѳеклы Косой, въ Подольскую губернію, для распространенія между ними экземпляровъ имѣвшейся у нея прокламаціи, по содержанію своему цѣли той соотвѣтствующей, но не успѣла привести своего намѣренія въ исполненіе, потому что была задержана около мѣстечка Тульчина. *Въ-седьмыхъ:* —что подсудимые: сынъ купца Исаакъ Абрамовъ Павловскій, 24 лѣтъ, сынъ купца Иннокентій Павловъ Пьянковъ, 22 лѣтъ, и сынъ священника Дмитрій Петровъ Соколовъ, 24 лѣтъ, оказываются виновными въ томъ, что, зная о распространеніи означеннаго выше преступнаго содержанія книгъ, съ цѣлью возбужденія къ явному неповиновенію власти верховной и имѣя возможность довести о семъ до свѣдѣнія правительства, не исполнили сей обязанности. *Въ-восьмыхъ* — что нижепоименованные подсудимые оказываются виновными въ томъ, что безъ разрѣшенія надлежащаго высшаго начальства имѣли у себя книги, по содержанію своему направленныя къ возбужденію явнаго неповиновенія власти верховной, а именно: а) указанные выше во 2-мъ пунктѣ Александръ Артамоновъ, Николай Барковъ, Гавріилъ Божко-Божинскій, Сергѣй Виноградовъ, Юрій Говоруха-Отрокъ, Левъ Городецкій, Викторъ Даниловъ, Михаилъ Кацъ, Михаилъ Орловъ и Иванъ Блавдзевичъ, и б) подсудимые выше сего не поименованные: дворянинъ Давидъ Александровъ Аитовъ, 23 лѣтъ, дворянинъ Николай Михайловъ Аносовъ, 27 лѣтъ, забайкальскій казакъ Николай Ивановъ Глушковъ, 22 лѣтъ, сынъ дьякона Іосифъ Селиверстовъ Кирилловъ, 23 лѣтъ, сынъ дьякона Михаилъ Федоровъ Грачевскій, 27 лѣтъ, мѣщанинъ Михаилъ Григорьевъ Гвоздевъ, 27 лѣтъ, дворянинъ Сергѣй Сергѣевъ Голоушевъ, 23 лѣтъ, сынъ священника Иванъ Ивановъ Добровъ, 24 лѣтъ, дворянинъ Эдуардъ Юліановъ Каменьскій, 35 лѣтъ, дворянинъ Федоръ Михайловъ Любавскій, 22 лѣтъ, мѣщанинъ Иванъ Ильинъ Медвѣдевъ, 27 лѣтъ, мѣщанинъ Николай Степановъ Никифоровъ, 27 лѣтъ, крестьянинъ Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда, деревни

Чуфарики, Григорій Алексѣевъ Щегловъ, 33 лѣтъ, дворянинъ Владимиръ Николаевъ Щекинъ, 27 лѣтъ, дворянинъ Леонидъ Михайловъ Щеголевъ, 23 лѣтъ, дворянинъ Иванъ Ивановъ Козачекъ, 29 лѣтъ, и оберъ-офицерскій сынъ Николай Матвѣевъ Махаевъ, 27 лѣтъ, *Въ-девятыхъ*— что изъ подсудимыхъ, выше сего поименованныхъ оказываются виновными: Ипполитъ Мышкинъ въ томъ, что въ іюнѣ 1875 года, во время слѣдованія, подъ именемъ поручика корпуса жандармовъ Мещеринова и въ одеждѣ, присвоенной офицерамъ сего корпуса, изъ города Вилюйска въ городъ Якутскъ, съ цѣлью лишить жизни сопровождавшихъ его казаковъ Бубякина и Марщинцова и присоединившагося къ нимъ на дорогѣ мѣщанина Чудинова, сдѣлалъ по нимъ нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера, но не попалъ въ двухъ послѣднихъ, а только ранилъ Бубякина въ бедро, послѣ чего, соскочивъ съ лошади, на которой ѣхалъ верхомъ, скрылся въ лѣсу; подсудимый Петръ Ларіоновъ—*во-первыхъ*, въ томъ, что 23 декабря 1873 года, въ городѣ Вельскѣ, Вологодской губерніи, вмѣстѣ съ другимъ лицомъ, тайно похитилъ стоявшую на улицѣ, принадлежащую крестьянкѣ Дьяконовой, лошадь съ упряжью, цѣною ниже 300 рублей; *во-вторыхъ*, въ томъ, что, получивъ въ началѣ 1874 года, изъ корчевскаго уѣзднаго казначейства, по довѣренности трехъ крестьянъ Горецкой волости, 240 руб., не передалъ означенныхъ денегъ по принадлежности крестьянамъ, а обратилъ таковыя на свои надобности; подсудимый Феликсъ Волховской въ томъ, что, 24 ноября 1874 года, въ городѣ Москвѣ, во время слѣдованія изъ московскаго жандармскаго управленія въ тюремный замокъ, съ цѣлью совершить побѣгъ, бросилъ въ глаза сопровождавшаго его жандармскаго унтеръ-офицера горсть нюхательнаго табаку, и выскочивъ изъ саней, хотѣлъ бѣжать, но былъ задержанъ; привлеченный къ настоящему дѣлу, по обвиненію въ участіи въ означенномъ выше преступномъ дѣяніи дворянинъ Всеволодъ Александровъ Лопатинъ, 26 лѣтъ, виновенъ въ томъ, что, обязавшись по предварительному соглашенію съ подсудимымъ Волховскимъ, содѣйствовать побѣгу послѣдняго, съ этою цѣлью 24 ноября 1874 года, въ городѣ Москвѣ, пытался освободить Волховского, выскочившаго изъ саней и побѣжавшаго по улицѣ, отъ поймавшихъ его жандарма и городового, разжимая руки первому и отталкивая послѣдняго. *Въ-десятыхъ*— что изъ остальныхъ засимъ привлеченныхъ къ настоящему дѣлу лицъ оказываются виновными: 1) крестьянинъ Самарской губерніи и уѣзда, Алексѣевской волости, деревни Федоровки, Никифоръ

Емельяновъ, 25 лѣтъ—въ томъ: а) что въ 1874 году, на Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ, при свидѣтеляхъ, съ намѣреніемъ поколебать вѣру, произнесъ хулу на славимаго въ единосущной Троицѣ Бога, и б) въ томъ, что въ указанное выше время, при одномъ свидѣтелѣ, съ умысломъ осмѣлился произнести дерзкія, оскорбительныя выраженія противъ священной особы Государя Императора; 2) дворянка Софья Александрова Субботина, 45 лѣтъ—въ томъ, что въ 1874 году, въ имѣніи своемъ, въ селѣ Бѣломѣстномъ, въ Курской губерніи, въ присутствіи нѣсколькихъ крестьянъ, осмѣлилась, безъ преднамѣреннаго умысла, произнести дерзкія, оскорбительныя выраженія противъ священной особы Государя Императора; 3) мѣщанинъ Глѣбъ Яковлевъ Терновскій, 20 лѣтъ—въ томъ, что въ 1874 г., на Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ, при одномъ свидѣтелѣ, осмѣлился, безъ преднамѣреннаго умысла, произнести дерзкія, оскорбительныя выраженія противъ священной особы Государя Императора и, наконецъ, 4) дворянинъ Николай Ивановъ Энгауровъ, 39 лѣтъ—въ томъ, что, въ бытность свою мировымъ судьею Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи, истребовалъ въ 1872 году изъ мѣстнаго казначейства въ разное время, а именно: 3 іюня—200 руб., 9 іюня 200 руб., 24 іюня — 100 руб., 30 іюня — 100 р., 4 іюля — 200 руб., 15 іюля — 300 руб. и 4 августа — 300 руб. (всего 1400 руб.), принадлежавшихъ технологу Васильеву, и не записывалъ на приходъ въ денежную книгу до 19 сентября того же года. И *въ одиннадцатыхъ*—что нижепоименованные подсудимые, привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, оказываются не виновными по настоящему дѣлу: а именно: Павелъ Александровъ, Алексѣй Александровскій, Олимпіада Алексѣева, Анна Андреева, Иванъ Ареопагитскій, Василій Бенецкій, Николай Биткинъ, Романъ Бодяжинъ, Дмитрій Бородулинъ, Николай Введенскій, Марья Веревочкина, Александръ Виддиновъ, Надежда Войнаральская, Александръ Волкенштейнъ, Петръ Воскресенскій, Марья Гейшторъ, Иванъ Глушковъ, Леонидъ Голиковъ, Вѣра Городецкая, Николай Граціановъ, Степанъ Дехтяревъ, Леонидъ Дическуло, Михаилъ Духовскій, Егоръ Емельяновъ, Владиміръ Жебуневъ, Андрей Желябовъ, Ольга Жилинская, Евгенія Завадская, Лариса Заруднева, Александръ Кадьянъ, Павелъ Князевскій, Алексѣй Комовъ, Семенъ Корабельниковъ, Петръ Курдюмовъ, Егоръ Лазаревъ, Вильгельмъ Лангансъ, Арсеній Леонтьевъ, Николай Литошенко, Николай Личадѣевъ, Павелъ Максимовъ, Александръ Малиновскій, Минъ

Милоголовкинъ, Петръ Неволинъ, Михаилъ Нефедовъ, Марфа Никитина, Иванъ Никольскій, Александра Сидорацкая, Евгеній Овчинниковъ, Павелъ Орловъ, Александръ Палимпсестовъ, Вѣра Панютина, Софья Перовская, Николай Петропавловскій. Идалія Польгеймъ. Александръ Пономаревъ, Николай Поповъ, Марья Потоцкая. Аполлонъ Прозоровскій, Гавріилъ Прокопьевъ, Эйдели Пумпянская, Павелъ Покровскій, Андрей Пыпинъ, Вѣра Рогачева, Леонидъ Румянцевъ, Ольга Сахарова, Ѳедоръ Семеновъ, Владиміръ Серебровскій. Михаилъ Серебряковъ, Михаилъ Соловцовскій, Тимоѳей Соловьевъ, Григорій Софинскій, Иванъ Спѣсивцевъ, Евгенія Судзиловская, Дмитрій Сѣрышевъ, Николай Тепловъ, Леонидъ Траубенбергъ, Павелъ Троицкій, Анна Пушинская, Владиміръ Усачевъ, Дмитрій Федоровичъ. Ѳедоръ Фетисовъ, Василій Филадельфовъ, Ѳедоръ Фоминъ, Анатолій Чарыковъ, Марья Шавердова, Вѣра Шатилова. Ольга Шевырева, Феликсъ Юркевичъ, Анна Якимова и Александръ Яновъ. Опредѣливъ степень виновности подсудимыхъ по настоящему дѣлу и обращаясь за симъ къ мѣрѣ возмездія, слѣдующаго имъ по закону за совершенныя ими преступныя дѣянія, правительствующій сенатъ находитъ 1) что виновные въ составленіи сообщества, съ цѣлью ниспроверженія правительства и установленнаго закономъ государственнаго устройства, хотя бы даже и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, а также и вступившіе въ сіе общество, съ знаніемъ о цѣляхъ онаго, подвергаются наказаніямъ по 250-й ст. улож. о наказ. (замѣненной и дополненной высочайше утвержденнымъ, 4 іюня 1874 года, мнѣніемъ государственнаго совѣта), смотря по мѣрѣ участія въ сообществѣ и другимъ обстоятельствамъ дѣла въ слѣдующей постепенности или къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ четырехъ до шести лѣтъ (по 7 степ. 19-й ст.), или ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, съ лишеніемъ тѣхъ же правъ состоянія, или лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь, или отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по одной изъ степеней 31-й ст. сего уложенія, или же лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ крѣпости на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ. Изъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу: Мышкинъ, Войнаральскій, Коваликъ и Рогачевъ, какъ составители сообщества и принимавшіе самое дѣятельное въ ономъ участіе, должны подлежать строжайшему изъ опредѣленныхъ выше наказаній—по 7-й ст. 19-й ст. улож. въ сред-

ней онаго мѣрѣ—по неискренности ихъ показаній: изъ подсудимыхъ, изобличенныхъ во вступленіи въ сообщество, съ знаніемъ о цѣляхъ онаго: Синегубъ, Стаховскій, Лермонтовъ и Рабиновичъ, какъ болѣе виновные подлежать наказанію по 1-й ст. 20-й ст. улож.: наказаніе это не можетъ быть по закону смягчено въ отношеніи Рабиновича, какъ за силою 139 ст. улож., такъ и потому, что онъ хотя и имѣлъ при вступленіи въ сообщество менѣе 17 лѣтъ, но изъ обстоятельствъ дѣла видно, что онъ дѣйствовалъ съ полнымъ разумѣніемъ и не былъ вовлеченъ въ преступную дѣятельность другими совершеннолѣтними лицами. Засимъ, по степени участія въ дѣятельности сообщества и другимъ обстоятельствамъ дѣла, слѣдуетъ назначить наказаніе по 3-й ст. 31-й статьи уложенія слѣдующимъ подсудимымъ, вступившимъ въ сообщество съ знаніемъ о цѣляхъ онаго: Волховскому, Сергѣю Жебуневу, Костюрину, Ларіонову, Добровольскому, Квятковскому, Софьѣ Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, Мейеру, Ливанову, Низовкину, Чарушину, Шишко, Аверкіевой, Брешковской, Макаревичу, Скворцову, Сунинской, Говорухѣ-Отроку, Данилову, Кацу, Михаилу Орлову, Клеопатрѣ Благдзевичъ, Гауенштейну, Аркадію Головину, Кувшинской, Лебедевой, Милоглазкину, Мокіевскому-Зубку, Морозову, Саблину, Тихомирову, Фишеру, Франжоли и Ярцеву: при этомъ, изъ числа означенныхъ подсудимыхъ Костюрину, какъ недостигшему при вступленіи въ сообщество 21 года отъ роду, означенное наказаніе слѣдуетъ уменьшить на двѣ степени и, опредѣливъ оное по 5-й ст. 31-й ст. улож., освободить его, Костюрина, отъ лишенія правъ состоянія: что же касается до прочихъ, то не усматривая въ ихъ дѣйствіяхъ той злоумышленности и той обдуманности, коими отличаются поступки другихъ, болѣе виновныхъ по настоящему дѣлу подсудимыхъ, правительствующій сенатъ признаетъ возможнымъ на основаніи 774-й ст. уст. угол. суд., слѣдующее имъ указанное наказаніе смягчить также на двѣ степени, назначивъ оное по 5-й статьѣ 31 ст. въ средней мѣрѣ. Этому же наказанію и на тѣхъ же основаніяхъ, подлежатъ и слѣдующіе подсудимые, виновные во вступленіи въ сообщество: Купріяновъ, Гориновичъ, Иванова, Артамоновъ, Грищенковъ, Виноградовъ, Левъ Городецкій, Иванъ Благдзевичъ, Ваховская, Дробышъ-Дробышевскій, Аранзонъ, Знаменскій, Корнилова, Ломоносовъ, Осиповъ, Михаилъ Сидоровъ, Фаресовъ, Юргенсонъ, Осташкинъ, Барковъ, Божко-Божинскій, Трезвинскій и Лукашевичъ: но такъ какъ всѣ они при вступленіи въ сообщество имѣли менѣе 21 года, то означенное выше наказаніе

(по 5-й ст. 31-й ст.), на основаніи 140-й ст. улож., можетъ быть уменьшено на двѣ степени и опредѣлено по 2-й ст. 33-й ст., безъ лишенія ихъ правъ и преимуществъ. При этомъ. въ виду того, что всѣ упомянутые несовершеннолѣтніе подсудимые, за исключеніемъ Осташкова, Баркова, Божко-Божинскаго, Трезвинскаго и Лукашевича, были вовлечены въ преступную дѣятельность другими совершеннолѣтними лицами, представляется справедливымъ, согласно 143-й ст. улож., уменьшить указанное выше наказаніе еще на двѣ степени, т. е. назначить оное, по 4-й ст. 33-й ст., безъ лишенія правъ и преимуществъ. Подсудимые: Елизавета Ермолаева и Ольга Ѳетисова, признанныя виновными лишь въ томъ, что не принадлежа къ противозаконному сообществу, знали о дѣятельности онаго и не донесли о томъ начальству, подлежатъ одному изъ наказаній, указанныхъ въ 126-й ст. улож.: въ виду того, что означенныя подсудимыя дѣйствовали по легкомыслію (ст. 134-я улож.), слѣдуетъ назначить имъ среднее изъ опредѣленныхъ въ 126-й ст. наказаній, а именно—заключеніе въ тюрьмѣ по 2-й ст. 38-й ст. въ средней же мѣрѣ, т. е. на шесть мѣсяцевъ. 2) Виновные въ составленіи и распространеніи сочиненій, съ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію власти верховной, на основаніи 251-й ст. улож., приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на время отъ восьми до десяти лѣтъ: тому же наказанію подвергаются изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи такихъ сочиненій: виновные же въ составленіи означенныхъ сочиненій, но неизобличенные въ злоумышленномъ распространеніи оныхъ, подлежатъ заключенію въ крѣпости на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ. Изъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу, Мышкинъ признанъ виновнымъ въ составленіи сочиненія, по содержанію своему направленнаго къ возбужденію явнаго неповиновенія власти верховной, но онъ не обвиняется и не изобличается въ злоумышленномъ распространеніи этого и другихъ подобныхъ сочиненій, такъ какъ онъ хотя и печаталъ ихъ въ устроенной въ Москвѣ типографіи и занимался разсылкою ихъ, съ цѣлью распространенія, но не успѣлъ совершить сего распространенія, потому что отпечатанныя книги и отдѣльные листы были задержаны. Преступное дѣяніе это, заключающее въ себѣ признаки покушенія на распространеніе, остановленнаго не собственною волею подсудимаго, а другими не зависѣвшими отъ него обстоятельствами, предусмотрѣно 114-ю ст.

улож. и должно, въ данномъ случаѣ, подвергнуть Мышкина наказанію двумя степенями ниже противъ опредѣленнаго во 2-й части 251-й ст. улож., т. е. по 7-й ст. 19-й ст.; за составленіе же сочиненія означеннаго выше преступнаго содержанія Мышкинъ подлежитъ наказанію по 3-й ч. 251-й ст. Подсудимые: Аверкіева, Сунинская, Иванова и Скворцовъ, принимавшіе дѣятельное участіе какъ въ работахъ типографіи Мышкина по печатанію противозаконныхъ сочиненій, такъ и въ отсылкѣ отпечатанныхъ листовъ по назначенію, подлежатъ за сіе, какъ покушеніе на преступленіе, согласно съ указанными выше основаніями и 114-ю ст. улож. о наказ., наказанію также по 7-й ст. 19-й ст. улож., но въ виду того, что всѣ эти подсудимые дѣйствовали подъ вліяніемъ людей, имѣвшихъ надъ ними, безспорно, сильную власть (6-й п. 134-й ст.), означенное наказаніе можетъ быть опредѣлено въ низшей мѣрѣ, при этомъ срокъ каторжныхъ работъ для Ивановой, имѣвшей во время совершенія преступленія менѣе 21 года, долженъ быть сокращенъ на одну треть (139-я ст.). Но какъ изъ обстоятельствъ дѣла усматривается, что она была вовлечена въ преступную дѣятельность совершеннолѣтними лицами, то и это наказаніе можетъ быть уменьшено, согласно 143-й ст. улож., еще на двѣ степени и опредѣлено по 2-й ст. 20-й ст. улож. Подсудимый Войнаральскій, виновный въ составленіи сочиненія, направленнаго къ возбужденію явнаго неповиновенія власти верховной, въ злоумышленномъ распространеніи какъ сего, такъ и другихъ, такую же цѣль имѣющихъ сочиненій и, наконецъ, участвовавшій въ указанной выше дѣятельности упомянутой типографіи, долженъ подлежать, на основаніи 1-й ч. 251-й ст. улож., наказанію по 5-й ст. 19-й ст. Наказанію, по 2-й ч. 251-й ст. улож. опредѣленному, подлежатъ и всѣ остальные подсудимые, виновные въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій, по содержанію своему направленныхъ къ возбужденію явнаго неповиновенія власти верховной, а именно Коваликъ, Рогачевъ, Синегубъ, Стаховскій, Рабиновичъ, Добровольскій, Квятковскій, Купріяновъ, Ливановъ, Низовкинъ, Осташкинъ, Чарушинъ, Шишко, Муравскій, Зарубаевъ, Союзовъ, Стопане и Чернявскій. Мѣра этого наказанія должна быть опредѣлена по степени преступной дѣятельности каждаго изъ означенныхъ подсудимыхъ въ слѣдующей постепенности: въ высшей мѣрѣ — Ковалику и Рогачеву, по обдуманности ихъ дѣйствій; за симъ остальнымъ 15-ти, за исключеніемъ Низовкина, можетъ быть назначена средняя мѣра сего наказанія, такъ какъ преступная дѣя-

тельность ихъ представляется, по обстоятельствамъ дѣла, менѣе важною въ сравненіи съ двумя предыдущими подсудимыми; Низовкину же это наказаніе должно быть опредѣлено въ низшей мѣрѣ, во вниманіе къ его чистосердечному сознанію. Но изъ означенныхъ выше подсудимыхъ Рабиновичъ, Стопане, Осташкинъ и Купріяновъ, какъ имѣвшіе при совершеніи преступленія менѣе 21 года, имѣютъ право на смягченіе наказанія по 139-й ст. улож., сокращеніемъ срока каторжныхъ работъ одной третью, а для Купріянова, какъ вовлеченнаго въ преступленіе другими совершеннолѣтними лицами, опредѣленное выше наказаніе можетъ быть понижено еще двумя степенями (по 143-й ст.) и назначено по 7-й ст. 19-й ст. въ средней мѣрѣ (по его неискренности), также съ сокращеніемъ срока каторжныхъ работъ на одну треть. Прочіе за симъ подсудимые, изобличенные въ покушеніи на злоумышленное распространеніе книгъ, съ цѣлью возбужденія явнаго неповиновенія власти верховной, а именно: Макаревичъ, Сажинъ, Чудновскій и Брешковская, подлежатъ наказанію согласно 114-й ст. и 2-й ч. 251-й ст. улож., а именно — по 7-й ст. 19-й ст. въ средней мѣрѣ, по неискренности ихъ показаній, т. е. лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на пять лѣтъ. Что же касается до привлеченнаго къ настоящему дѣлу мѣщанина Мовши Эдельштейна, оказавшагося виновнымъ въ пособничествѣ, изъ корыстныхъ цѣлей, ввозу вышеупомянутыхъ запрещенныхъ книгъ, для ихъ распространенія въ Россіи, съ знаніемъ о преступномъ содержаніи книгъ, то мѣра отвѣтственности его передъ закономъ должна быть опредѣлена на основаніи 13-й, 114-й, 121-й и 2-й ч. 251-й ст. улож., и онъ подлежитъ наказанію, которое опредѣлено выше для участвовавшихъ во ввозѣ книгъ изъ-за границы, но лишь одною степенью ниже, т. е. по 1-й ст. 20-й ст. улож., такъ какъ содѣйствіе его въ данномъ случаѣ нельзя признать необходимымъ для совершенія преступленія; но и это наказаніе можетъ быть уменьшено еще на двѣ степени, согласно 774-й ст. уст. угол. суд., такъ какъ изъ обстоятельствъ дѣла видно, что Эдельштейнъ, по своему крайнему невѣжеству и легкомыслію, не понималъ всей важности преступнаго своего содѣйствія во ввозѣ запрещенныхъ книгъ изъ-за границы; на семъ основаніи мѣщанинъ Эдельштейнъ подлежитъ наказанію по 1-й ст. 31-й ст. улож. въ низшей мѣрѣ, въ виду его сознанія, а именно: лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на

три съ половиною года. За симъ изъ остальныхъ подсудимыхъ, обвинявшихся въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій, съ цѣлью возбужденія къ явному неповиновенію власти верховной: Пьянковъ, Соколовъ и Павловскій, какъ признанные виновными лишь въ знаніи и недонесеніи о таковомъ распространеніи, должны быть подвергнуты одному изъ наказаній, въ 126-й ст. улож. указанныхъ. Въ виду легкомыслія, свойственнаго ихъ молодымъ лѣтамъ, имъ могло бы быть назначено среднее по строгости наказаніе, именно — заключеніе въ тюрьмѣ по 1-й ст. 38-й ст., но и это наказаніе слѣдуетъ уменьшить на одну степень, согласно 4-го п. 140-й ст., во вниманіе къ ихъ несовершеннолѣтію, и еще на одну степень потому, что изъ обстоятельствъ дѣла видно, что они въ противозаконный поступокъ свой вовлечены были другими совершеннолѣтними лицами (143-я ст. улож.), т. е. опредѣлить по 3-й ст. 38-й ст. въ средней мѣрѣ, по ихъ неискренности, именно: заключеніе въ тюрьмѣ на три мѣсяца. Подсудимые же Артамоновъ, Барковъ, Божко-Божинскій, Виноградовъ, Говоруха-Отрокъ, Левъ Городецкій, Даниловъ, Кацъ, Михаилъ Орловъ, Иванъ Блавдзевичъ, Антовъ, Аносовъ, Николай Глушковъ, Кирилловъ, Грачевскій, Гвоздевъ, Голоушевъ, Добровъ, Каменьскій, Любавскій, Медвѣдевъ, Никифоровъ, Щегловъ, Щепкинъ, Щиголевъ, Казачекъ и Махаевъ, признанные виновными въ имѣніи у себя сочиненій вышеупомянутаго преступнаго содержанія, безъ разрѣшенія надлежащаго высшаго начальства, должны подлежать наказанію по 4-й ч. 251-й ст. улож., т. е. аресту отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ (по 1-й и 2-й ст. 39-й ст. улож.); по обстоятельствамъ дѣла представляется справедливымъ назначить всѣмъ симъ подсудимымъ высшую мѣру означеннаго наказанія, т. е. арестъ на три мѣсяца, но это наказаніе должно быть уменьшено, согласно 140-й ст., на одну степень для подсудимыхъ, имѣвшихъ во время совершенія преступленія менѣе 21 года, а именно: Баркова, Божко-Божинскаго, а слѣдующимъ несовершеннолѣтнимъ подсудимымъ, вовлеченнымъ въ преступленіе другими совершеннолѣтними лицами, на двѣ степени (140-я и 143-я ст.), а именно: Артамонову, Виноградову, Льву Городецкому, Ивану Блавдзевичу, Антову, Николаю Глушкову, Кириллову, Голоушеву, Доброву, Любавскому и Щиголеву, съ назначеніемъ и тѣмъ и другимъ сего наказанія въ средней мѣрѣ: на семъ основаніи первые двое, т. е. Барковъ и Божко-Божинскій подлежатъ аресту на двѣ недѣли, а послѣдніе 11 — на пять дней. 3) Подсудимый Мышкинъ, за покушеніе на убійство сопровождав-

шихъ его казаковъ и ѣхавшаго съ ними спутника, остановленное не собственною волею подсудимаго, а обстоятельствами, отъ него независѣвшими, подлежитъ, на основанiи 114-й и 1455-й ст. улож. (по продолженiю 1872 года) и по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ это преступленiе, наказанiю двумя степенями ниже противъ опредѣленнаго въ означенной 1455-й ст., а именно, по 5-й ст. 19-й ст. улож. 4) Подсудимый Феликсъ Волховской, за покушенiе на освобожденiе изъ-подъ стражи, съ насилiемъ противъ сопровождавшаго его жандарма, каковое покушенiе остановлено не собственной волею подсудимаго, а другими независѣвшими отъ него обстоятельствами, подлежитъ, на основанiи 114-й ст. улож., наказанiю двумя степенями ниже противъ опредѣленнаго во 2-й ч. 312-й ст. того же улож., а именно по 2-й ст. 33-й ст. въ средней мѣрѣ, по неискренности показанiй подсудимаго. Такому же наказанiю, но лишь одной степенью ниже, т. е. по 3-й ст. 33-й ст. въ средней мѣрѣ подлежитъ, на основанiи 13-й, 121-й, 124-й и 312-й ст. улож., и подсудимый Всеволодъ Лопатинъ, обязавшiйся, по предварительному соглашенiю съ Волховскимъ, содѣйствовать побѣгу послѣдняго и пытавшiйся освободить его отъ поймавшей его стражи, каковое содѣйствiе не было необходимымъ для совершенiя преступленiя. 5) Подсудимый крестьянинъ Никифоръ Емельяновъ, за богохуленiе при свидѣтеляхъ, съ намѣренiемъ поколебать ихъ вѣру, подлежитъ, на основанiи 117-й ст. улож., лишенiю всѣхъ правъ состоянiя и ссылкѣ на поселенiе въ отдаленнѣйшiя мѣста Сибири, а за произнесенiе дерзкихъ словъ противъ священной особы Государя Императора, по силѣ 146 ст. улож., долженъ быть подвергнутъ лишенiю всѣхъ правъ состоянiя и ссылкѣ въ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ 6-ти до 8-ми лѣтъ; это наказанiе могло бы быть назначено ему въ низшей мѣрѣ, въ виду легкомыслiя и крайняго невѣжества подсудимаго (4-й п. 134-й ст.), но должно быть опредѣлено въ мѣрѣ высшей, на основанiи правилъ о совокупности преступленiй (152-й ст. улож.). 6) Подсудимые Софья Субботина и Глѣбъ Терновскiй, за произнесенiе дерзкихъ оскорбительныхъ словъ противъ священной особы Государя Императора, безъ преднамѣреннаго умысла, подлежатъ наказанiю по 2-й ч. 246-й ст. улож., т. е. заключенiю въ смирительномъ домѣ на время отъ 4-хъ до 8-ми мѣсяцевъ; наказанiе это слѣдуетъ назначить Субботиной въ высшей мѣрѣ, въ виду ея званiя и степени образованности (2-й п. 129-й ст.); что же касается до Терновскаго, то во вниманiе къ тому, что во время со-

вершенія преступленія ему было менѣе 17 лѣтъ отъ роду, и хотя онъ дѣйствовалъ съ разумѣніемъ, но былъ вовлеченъ въ преступленіе примѣромъ другого совершеннолѣтняго лица, означенное наказаніе можетъ быть понижено на четыре степени, на основаніи 140-й и 143 ст. улож., и опредѣлено по 3-й ст. 38-й ст., но въ высшей онаго мѣрѣ, по гнусности его поступка (7-й п. 129-й ст.).

7) Подсудимый почетный гражданинъ Ларіоновъ за кражу лошади цѣною не выше 300 р., подлежитъ, согласно 1,656-й ст. улож. и 169-й ст. улож. о нак. нал. мир. судьями, лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ; наказаніе это, въ виду его чистосердечнаго сознанія въ совершеніи сего преступленія, можетъ быть назначено въ низшей мѣрѣ. Тому же наказанію и въ той же мѣрѣ подлежитъ Ларіоновъ и за присвоеніе чужихъ денегъ на сумму не свыше 300 рублей, по силѣ 1-й ч. 1,682-й ст. уложенія. Наконецъ, 8) подсудимый дворянинъ Николай Эндауровъ, за промедленіе въ запискѣ на приходъ ввѣренныхъ ему по службѣ денежныхъ суммъ (всего 1,400 рублей), на основаніи 356-й ст. улож. долженъ быть признанъ отрѣшоннымъ отъ должности по суду и съ него слѣдуетъ взыскать вдвое казенные проценты съ той суммы денегъ, которая была въ его рукахъ, за все время передержанія имъ оныхъ. Принявъ въ соображеніе все вышеизложенное и переходя къ окончательному заключенію о мѣрѣ наказанія, къ которому должны быть приговорены подсудимые по настоящему дѣлу, на основаніи приведенныхъ узаконеній, а въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ и по правиламъ совокупности преступленій, въ 152-й ст. улож. указаннымъ, правительствующій сенатъ находитъ: 1) что слѣдующіе подсудимые подлежатъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы: Мышкинъ, Войнаральскій, Коваликъ и Рогачевъ—въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ: Синегубъ, Стаховскій, Добровольскій, Квятковскій, Ливановъ, Чарушинъ, Шишко, Зарубаевъ Союзовъ и Чернявскій тоже въ крѣпостяхъ на девять лѣтъ: Низовкинъ—въ крѣпостяхъ на восемь лѣтъ; Рабиновичъ, Стопане и Осташкинъ—въ крѣпостяхъ на шесть лѣтъ; Никифоръ Емельяновъ—на заводахъ на восемь лѣтъ: Макаревичъ, Сажинъ, Чудновскій и Брешковская—на заводахъ на пять лѣтъ: Скворцовъ, Аверкіева и Супинская—на заводахъ на четыре года, и Купріяновъ—на заводахъ на три года и четыре мѣсяца: лишонный ужъ всѣхъ правъ состоянія Муравскій—ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять

лѣтъ; 2) что подсудимый Лермонтовъ подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; 3) что подсудимый Эдельштейнъ долженъ быть подвергнутъ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на три съ половиною года; 4) что подсудимые: Волховской, Сергѣй Жебуневъ, Ларіоновъ, Софья Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, Мейеръ, Говоруха-Отрокъ, Даниловъ, Клеопатра Благдзевичъ, Головинъ, Кувшинская, Лебедева, Мокіевскій-Зубокъ, Саблинъ, Тихомировъ, Фишеръ, Франжоли, Ярцевъ и Костюринъ подлежатъ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію: первые семнадцать—съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а послѣдній (Костюринъ) безъ сего лишенія; 5) что подсудимые Кацъ, Михаилъ Орловъ, Гауэнштейнъ, Милоглазкинъ и Морозовъ подлежатъ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на одинъ годъ и три мѣсяца; 6) что Барковъ, Божко-Божинскій и Трезвинскій подлежатъ ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста, назначеннаго для ихъ жительства въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ (по 2-й ст. 33-й ст.), безъ лишенія правъ и преимуществъ; 7) что Гориновичъ, Артамоновъ, Левъ Городецкій, Иванъ Благдзевичъ, Ваховская, Гриценковъ, Дробышъ-Дробышевскій, Знаменскій, Корнилова, Ломоносовъ, Осиповъ, Михаилъ Сидоренко, Фаресовъ и Юргенсонъ подлежатъ ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ (по 4-й степ. 33-й ст.), безъ лишенія правъ и преимуществъ; 8) что подсудимый Лопатинъ подвергается лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для его жительства, въ продолженіе одного года и шести мѣсяцевъ; 9) что подсудимые Виноградовъ и Аранзонъ подлежатъ заключенію въ рабочемъ домѣ на три мѣсяца, безъ лишенія правъ и преимуществъ; 10) что подсудимая Субботина должна быть подвергнута заключенію въ смирительномъ домѣ на восемь мѣсяцевъ; 11) что Ермолаева и Ольга Фетисова подлежатъ заключенію въ тюрьмѣ на шесть мѣсяцевъ; 12) что Терновскій подлежитъ заключенію въ тюрьмѣ на четыре мѣсяца; 13) что Пьянкову, Соколову и Павловскому слѣдуетъ такое же заключеніе на три мѣсяца; 14) что нижепоименованные подсудимые подлежатъ аресту въ порядкѣ, указанномъ въ 56-й ст. улож., на слѣдующіе

сроки: Аносовъ, Грачевскій, Гвоздевъ, Каменьскій, Медвѣдевъ, Никифоровъ, Щегловъ, Щепкинъ, Козачекъ и Махаевъ — на три мѣсяца, а Антовъ, Николай Глушковъ, Кирилловъ, Голоушевъ, Добровъ, Любавскій и Щиголевъ—на пять дней: 15) что подсудимый Эндауровъ долженъ быть признанъ отрѣшеннымъ отъ должности по суду, со взысканіемъ съ него вдвое казенныхъ процентовъ съ передержанной имъ суммы: 16) что касается до подсудимыхъ Софьи Ивановой и Лукашевича, то первая изъ нихъ подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ мѣста Сибири, не столь отдаленныя, а Лукашевичъ —ссылкѣ въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста жительства въ теченіе двухъ лѣтъ и шести мѣсяцевъ, безъ лишенія правъ и преимуществъ, но какъ оба сіи подсудимые были привлекаемы къ суду, въ качествѣ обвиняемыхъ: Иванова — за участіе въ бывшихъ 6-го декабря 1876 года безпорядкахъ на Казанской площади, а Лукашевичъ — по дѣлу о 50-ти лицахъ, преданныхъ суду за распространеніе книгъ преступнаго содержанія, и опредѣленіями особаго присутствія, отъ 18—25-го января и 21-го февраля—14-го марта 1877 года, оба они приговореныхъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе: Лукашевичъ — въ отдаленныя мѣста Сибири, а Иванова—въ мѣста Сибири, менѣе отдаленныя, то, въ силу правилъ о совокупности преступленій, въ 152-й ст. улож. изложенныхъ, они и должны подлежать этому послѣднему наказанію. Опредѣливъ, такимъ образомъ, то наказаніе, которому подлежитъ по закону каждый изъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу — правительствующій сенатъ въ особомъ присутствіи не могъ не принять въ особое вниманіе: 1) долговременное содержаніе большей части подсудимыхъ въ одиночномъ заключеніи, во время предварительнаго ареста ихъ, долговременность коего являлась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ продолжительности производства по настоящему дѣлу разслѣдованія, которое, какъ по сложности дѣла, большому числу обвиняемыхъ, такъ и по обширности той мѣстности, на пространствѣ коей оно должно было происходить, не могло быть окончено въ краткое время: 2) что въ таковомъ предварительномъ арестѣ многіе изъ подсудимыхъ провели время, превышающее тѣ сроки заключенія, въ предѣлѣ которыхъ они, по закону, могутъ подлежать лишенію свободы, соотвѣтственно мѣрѣ, признанной нынѣ судомъ виновности ихъ, 3) что нѣкоторые изъ тѣхъ же подсудимыхъ заслуживаютъ особаго снисхожденія, какъ въ виду молодо-

сти ихъ, вовлеченія ихъ въ преступленіе лицами совершеннолѣтними, такъ и чистосердечности объясненій на предварительномъ и судебномъ слѣдствіяхъ,—и 4) что подсудимые, признанные виновными въ тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ и подлежащіе, по закону, строгому уголовному наказанію, въ виду вышеуказаннаго долговременнаго одиночнаго заключенія, коимъ они отчасти искупили вину свою, заслуживаютъ также монаршаго къ нимъ снисхожденія. По симъ основаніямъ, уменьшивъ строгость наказанія тѣмъ изъ виновныхъ, относительно коихъ сіе зависитъ отъ власти суда, правительствующій сенатъ, руководствуясь 775-й ст. уст. угол. судопр., признаетъ справедливымъ повергнуть на монаршее милосердіе участь другихъ, относительно коихъ предназначаемое смягченіе выходитъ изъ предѣловъ власти суда. По всѣмъ симъ соображеніямъ и не усматривая основанія къ облегченію наказанія тому подсудимому, который вину свою по главному предмету обвиненія въ настоящемъ дѣлѣ отягчилъ покушеніемъ на смертоубійство, правительствующій сенатъ, въ особомъ присутствіи, опредѣляетъ: 1) солдатскаго сына Ипполита Мышкина, 30-ти лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ, съ послѣдствіями въ 25-й ст. улож. о нак. опредѣленными; 2) дворянъ Феликса Вадимова Волховскаго, 32-хъ лѣтъ, Сергѣя Александрова Жебунева, 28-ми лѣтъ, почетнаго гражданина Петра Ѳедорова Ларіонова, 25-ти лѣтъ, и дворянина Виктора Ѳедорова Костюрина, 24-хъ лѣтъ, сослать на житье въ Тобольскую губернію: первыхъ трехъ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а Костюрина—безъ сего лишенія; 3) дворянина Николая Иванова Эндаурова, 39-ти лѣтъ, считать отрѣшеннымъ отъ должности по суду и взыскать съ него вдвое казенные проценты съ той суммы денегъ, которая была у него на рукахъ и не была своевременно записана на приходъ, а именно проценты въ количествѣ тридцати пяти рублей 50 копѣекъ; 4) участь нижепоименованныхъ подсудимыхъ, во вниманіе къ указаннымъ выше обстоятельствамъ, повергнуть на монаршее милосердіе съ ходатайствомъ о смягченіи слѣдующаго имъ по закону наказанія и съ представленіемъ: не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству всемилостивѣйше повелѣть: а) мѣщанина Порфирія Иванова Войнаральскаго, 33-хъ лѣтъ, дворянъ Сергѣя Филиппова Ковалика, 31-го года, и Дмитрія Михайлова Рогачева, 26-ти лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣ-

стахъ Сибири; б) лишеннаго уже всѣхъ правъ состоянія Митрофана Данилова Муравскаго, 40-ка лѣтъ, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; в) дворянина Сергѣя Силова Синегуба, 26-ти лѣтъ, и сына священника Василія Аполлонова Стаховскаго, 26-ти лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ мѣстахъ Сибири не столь отдаленныхъ; г) мѣщанина Моисея Абрамова Рабиновича, 20-ти лѣтъ, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Иркутскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ назначеннаго ему мѣста жительства въ продолженіе двухъ лѣтъ и выѣзда, потомъ, въ другія губерніи или области Сибири, въ теченіе восьми лѣтъ; д) дворянъ: Ивана Иванова Добровольскаго, 27-ми лѣтъ, Тимофея Александрова Квятковскаго, 25-ти лѣтъ, Виктора Александрова Осташкина, 23-хъ лѣтъ, Николая Аполлонова Чарушина, 25-ти лѣтъ, Леонида Эммануилова Шишко, 25-ти лѣтъ, Петра Маркелова Макаревича, 25-ти лѣтъ, дворянокъ: Елену Иванову Аверкіеву, 27-ми лѣтъ и Екатерину Константинову Брешковскую, 33-хъ лѣтъ, сыновей священниковъ: Александра Иванова Ливанова, 27-ми лѣтъ, и Наѳанаила Іонова Скворцова, 26-ти лѣтъ, сына коллежскаго совѣтника Ивана Николаева Чернявскаго, 27-ми лѣтъ, сына купца Соломона Лейзерова Чудновскаго, 27-ми лѣтъ, мѣщанина Сергѣя Антонова Стопане, 21-го года, крестьянъ: Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, Дмитровской волости, села Стружина, Степана Петрова Зарубаева, 30-ти лѣтъ, Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, Морозовской волости, деревни Шелковой, Ивана Осипова Союзова, 29-ти лѣтъ, и Самарской губерніи и уѣзда, Алексѣевской волости, деревни Федоровки, Никифора Иванова Емельянова, 25-ти лѣтъ, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Тобольскую губернію; е) дворянина Михаила Васильева Купріянова, 24-хъ лѣтъ, дворянку Ефрузину Викентьеву Супинскую, 25-ти лѣтъ, дворянку Софью Александрову Лешернъ-фонъ-Герцфельдтъ, 37-ми лѣтъ, оберъ-офицерскаго сына Владиміра Яковлева Мейера, 26-ти лѣтъ, сына купца Михаила Петрова Сажина, 29-ти лѣтъ, и крестьянина Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, Зуковской волости, деревни Мишино, Ѳеофана Никандрова Лермонтова, 29-ти лѣтъ лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ; ж) приговоренныхъ особымъ присутствіемъ правительствующаго сената, по обвиненію въ государственныхъ

преступленіяхъ по другимъ дѣламъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь: австрійскаго подданнаго Александра Осипова Лукашевича, 22-хъ лѣтъ, и дочь майора Софью Андрееву Иванову, 21-го года, въ замѣнъ означеннаго наказанія, слѣдующаго имъ по совокупности обвиненій, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье: Лукашевича—въ Тобольскую, а Иванову—въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ; з) вмѣнить въ наказаніе предварительный арестъ слѣдующимъ подсудимымъ: Давиду Аитову, Николаю Аносову, Соломону Аранзону, Александру Артамонову, Николаю Баркову, Ивану Блавдзевичу, Клеопатрѣ Блавдзевичъ, Гавріилу Божко-Божинскому, Варварѣ Ваховской, Сергѣю Виноградову, Ивану Гауэнштейну, Михаилу Гвоздеву, Николаю Глушкову, Аркадію Головину, Сергѣю Голоушеву, Юрію Говорухѣ-Отроку, Льву Городецкому, Михаилу Грачевскому, Михаилу Гриценкову, Виктору Данилову, Ивану Доброву, Алексѣю Дробышъ-Дробышевскому, Елизаветѣ Ермолаевой, Алексѣю Знаменскому, Эдуарду Каменьскому, Михаилу Кацу, Іосифу Кириллову, Ивану Козачку, Александрѣ Корниловой, Аннѣ Кувшинской, Татьянѣ Лебедевой, Петру Ломоносову, Всеволоду Лопатину, Ѳедору Любавскому, Николаю Махаеву, Ивану Медвѣдеву, Киріаку Милоглазкину, Степану Мокіевскому-Зубку, Николаю Морозову, Николаю Никифорову, Михаилу Орлову, Владиміру Осипову, Исааку Павловскому, Иннокентію Пьянкову, Николаю Саблину, Дмитрію Соколову, Михаилу Спѣсивцеву, Софьѣ Субботиной, Глѣбу Терновскому, Льву Тихомирову, Ивану Трезвинскому, Анатолію Фаресову, Ольгѣ Фетисовой, Василію Фишеру, Андрею Франжоли, Григорію Щеглову, Владиміру Щепкину, Леониду Щеголеву, Мовшѣ Эдельштейну, Надеждѣ Юргенсонъ и Александру Ярцеву; и) подсудимыхъ: дворянина Александра Васильева Низовкина, 27-ми лѣтъ, и почетнаго гражданина Николая Елисѣева Гориновича, 22-хъ лѣтъ, во вниманіе къ ихъ полному, съ раскаяніемъ, чистосердечному признанію и указанію на многихъ изъ сообщниковъ въ настоящемъ дѣлѣ, а въ отношеніи Гориновича и въ силу того обстоятельства, что онъ за это именно раскаяніе и указаніе подвергся жестокому истязанію отъ руки злоумышленниковъ, отъ всякаго наказанія освободить; 5) оправдать нижепоименованныхъ подсудимыхъ: Павла Александрова, Алексѣя Александровскаго, Олимпіаду Алексѣеву, Анну Андрееву, Ивана Ареопагитскаго, Василія Бенецкаго, Николая Биткина, Романа Боджжина, Дмитрія Бородулина, Николая Введенскаго, Марію Веревочкину,

Александра Виддинова, Надежду Войнаральскую, Александра Волкенштейна, Петра Воскресенскаго, Марію Гейшторъ, Ивана Глушкова, Леонида Голикова, Вѣру Городецкую, Николая Граціанова, Степана Дегтярева, Леонида Дическуло, Михаила Духовскаго, Егора Емельянова, Владиміра Жебунева, Андрея Желябова, Ольгу Жилинскую, Евгенію Завадскую, Ларису Зарудневу, Александра Кадьяна, Павла Князевскаго, Алексѣя Комова, Семена Корабельникова, Петра Курдюмова, Егора Лазарева, Вильгельма Ланганса, Арсенія Леонтьева, Николая Литошенко, Николая Личадѣева, Павла Максимова, Александра Малиновскаго, Мина Милоголовкина, Петра Неволина, Михаила Нефедова, Марфу Никитину, Ивана Никольскаго, Александру Сидорацкую, Евгенія Овчинникова, Павла Орлова, Александра Палимпсестова, Вѣру Панютину, Софью Перовскую, Николая Петропавловскаго, Идалію Польгеймъ, Александра Пономарева, Николая Попова, Марію Потоцкую, Аполлона Прозоровскаго, Гавріила Прокопьева, Эйдели Пумпянскую, Павла Покровскаго, Андрея Пыпина, Вѣру Рогачеву, Леонида Румянцева, Ольгу Сахарову, Федора Семенова, Владиміра Серебровскаго, Михаила Серебрякова, Михаила Соловцовскаго, Тимофея Соловьева, Григорія Софинскаго, Ивана Спѣсивцева, Евгенію Судзиловскую, Дмитрія Сѣрышева, Николая Теплова, Леонида Траубенберга, Павла Троицкаго, Анну Тушинскую, Владиміра Усачева, Дмитрія Федоровича, Ѳедора Фетисова, Василія Филадельфова, Ѳедора Фомина, Анатолія Чарыкова, Марію Шавердову, Вѣру Шатилову, Ольгу Шевыреву, Феликса Юркевича, Анну Якимову и Александра Янова; 6) настоящій приговоръ, прежде исполненія, въ отношеніи подсудимыхъ, дворянъ Волховского и Жебунева, на основаніи 945-й ст. уст. угол. судопр., представить, черезъ министра юстиціи, на высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе; 7) возмѣщеніе судебныхъ по настоящему дѣлу издержекъ, по приведеніи ихъ въ надлежащую извѣстность, на основаніи 990-й, 991-й, 992-й и 994-й ст. уст. угол. суд., обратить на главныхъ виновныхъ, а именно: на тѣхъ, кои признаны виновными въ составленіи сообщества и во вступленіи въ оное, съ круговою ихъ другъ за друга отвѣтственностью, въ случаѣ же несостоятельности, принять, согласно 999-й ст. того же устава, на счетъ казны, и 8) съ вещественными доказательствами по сему дѣлу поступить на основаніи 777-й ст. уст. угол. суд.—Подлинный за подписаніемъ гг. сенаторовъ и сословныхъ представителей и скрѣпою оберъ-секретаря.